

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

СОКРОВИЩА

ВАЛЬКИРИИ.

ЗВЕЗДНЫЕ РАНЫ

Сокровища Валькирии

Сергей Алексеев

**Сокровища Валькирии.
Звездные раны**

«Алексеев Сергей»

2000

Алексеев С. Т.

Сокровища Валькирии. Звездные раны / С. Т. Алексеев —
«Алексеев Сергей», 2000 — (Сокровища Валькирии)

ISBN 978-5-17-048024-1

Из века в век люди ходят по горам и долам, ищут источник Вечной Молодости, Беловодье, Звездную Рану, край обетованный, рай земной. Некоторые берут на вооружение научные методы и высчитывают точные координаты. Журналист Сергей Опарин, мечтающий найти «страну счастья», прародину человечества, изучает старые раскольничьи книги и архивы НКВД. Академик Насадный исследует астроблемы – места падения метеоритов... А Мамонт, взявший на себя миссию Страги Нового Света, снова оказывается в России и спешит на праздник Радения в Чертоги Святогора. Ему, уже вкусившему соли Знаний, дозволено приобщиться к Вечности...

ISBN 978-5-17-048024-1

© Алексеев С. Т., 2000

© Алексеев Сергей, 2000

Содержание

1	5
2	22
3	33
4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сергей Трофимович Алексеев

Сокровища Валькирии: Звездные раны

1

На весь окружающий мир и суету человеческую Святослав Людвигович смотрел печально и безрадостно, как поживший и заезженный конь, поставленный за ненадобностью в стойло, но пока еще не лишенный сил. Время от времени его приглашали на какие-то заседания ученых советов, куда он принципиально не ходил, поскольку не желал выглядеть старинной мебелью, поставленной для антуража; бывало, вызывали на собрания ветеранов-геологов, которые он тоже игнорировал, ибо знал, что, кроме ностальгических и хвастливых воспоминаний, бутылочного костра в соседнем сквере и походных песен, исполняемых под гитару старческими голосами, ничего интересного не будет. А еще приходили десятки зазывающих писем из всевозможных общин, обществ, сект и медитационных центров, которых расплодилось великое множество и которые стремились заполучить у академика некие «знания». В переписку он не вступал и всю почту вместе с присланной литературой связывал в пачки и складывал на антресолях: бумагу можно использовать вместо топлива, если что...

Дважды Насадному предлагали уехать из России: первый раз в Германию, по приглашению литовской общины – вспомнили, что он родился в Прибалтике, сулили предоставить бесплатно хорошую квартиру и приличный пансион. Второй раз зазывали в Англию, причем к нему в Питер специально приезжал представитель компании «Де Бирс», обещавший обеспечить достойную, цивилизованную старость. Академик мягко и упрямо отказывался, не выдавая своих убеждений относительно свободы, капитала и, в частности, хищной волчьей пасти вышеозначенной фирмы.

И только однажды сорвался, когда ни с того ни с сего в октябре девяносто третьего ему как старому академику предложили проклясть заседавший в «Белом доме» парламент. То ли спутали с другим старейшим питерским академиком, охотно проклинаящим всех, кого ни предложат, то ли решили, коль он родился в буржуазной Прибалтике, то, следовательно, – сторонник прогрессивных реформ, расстрелов и западного образа жизни. Что-то вроде латышского стрелка-наемника в свое время. Возмущенный Святослав Людвигович написал страстное, гневное письмо и разослал во все газеты, которые знал, но опубликовали его только в незаметной частной газетенке; в других обозвали «красным фашиствующим академиком».

После этого Насадный вообще самоустранился от мирской жизни и даже на улицу выходил лишь с наступлением сумерек либо в дождливую погоду, когда можно не просто прикрыться зонтом, а отгородиться им от прохожих. Занять время у него было чем, и увлечение это давно стало художественным творчеством, к которому он, как всякий творец, относился щепетильно и страстно.

Лет двадцать назад, когда в камералке института списали и выбросили в металлолом старинное, еще дореволюционное камнерезное оборудование, Святослав Людвигович перетащил его к себе в квартиру (просторную, академическую, только что полученную вместе со званием), отремонтировал, запасся алмазными дисками, пилами и превратил прежний минералогический музей в мастерскую. Сначала просто изготовлял шлифы – распиливал камни и до зеркала шлифовал одну поверхность, выявляя таким образом внутренний рисунок и красоту минерала или куска породы; потом, когда появилось бессмысленное количество свободного времени, принялся делать крошечные шкатулки и, наконец, творить каменные панно, размером от спичечного коробка и до метровых полотен. И, как Скупой рыцарь, никому не показывал своих произведений ни под каким предлогом. Однако же представителю «Де Бирс» откуда-то было

известно об увлечении академика, и он явился под предлогом взглянуть на шедевры камнерезного искусства.

Насадный сразу же заподозрил, что гость пришел вовсе не за этим, и насторожился, то есть стал холодным и непроницаемым.

В прежние времена он с удовольствием показывал свой минерало-петрографический музей, давно уже выплеснувшийся из кабинета и растекшийся по всей квартире: увесистые камни были повсюду – на полу передней, в коридорах, на кухне и в спальне, а что полегче – в застекленных самодельных шкафах. Рядом с камнями, а то и вперемешку с ними, лежали книги, брошюры, папки с бумагами и рукописи; лежали в связках и россыпью, поскольку тоже давно не умещались на полках, так что ходить по квартире можно было лишь по узким вытоптаным по паркету тропинкам.

В этих же завалах, между двойными стенками шкафов с образцами и книгами, тщательно оберегаемые от мышей, хранились запасы круп, муки, сахара, спичек и соли – своеобразный мобзапас. Святослав Людвигович пополнял его чуть ли не еженедельно, покупая лишний пакет, банку, упаковку продуктов, подлежащих длительному хранению, прятал и скоро забывал куда, ибо в следующий раз, подыскивая место для очередного пакета, вдруг обнаруживал старую закладку. Быстрее всего портилась мука – заводился червь или жучок, однако академик ничего не выбрасывал, аккуратно просеивал, слегка подсаливал мелкой солью и снова прятал. Он понимал, что это болезненная привычка, мания, но ничего не мог поделать с собой, поскольку блокада к старости давала знать о себе.

И когда ему предлагали покинуть Питер, в первую очередь он с ужасом и жалостью смотрел на свои покрытые толстым слоем пыли сокровища и наперед знал, что не оставит обжитого гнезда, какими бы заманчивыми ни были предложения. После визита представителя компании «Де Бирс» он вообще перестал впускать кого-либо в дом: отключил звонок, а когда стучали – не подходил к двери и телефоном пользовался не чаще, чем уличным автоматом. Он никому не мешал, хотя превратил квартиру в камнерезку: оборудование Насадный установил в просторной ванной комнате, покрыв пол и стены толстым слоем войлока и звукоизоляционной плиты. Если входил в эту мастерскую, то и сам отключался от мира, не внимая ни звонкам, ни стукам.

Этот назойливый, надоедливый стук он услышал, поскольку находился на кухне. Привычно игнорируя его, Святослав Людвигович сварил кашу и вынес кастрюлю на балкон, чтоб поскорее остыла. И тут увидел пару: молодого рослого человека в кепке и кожаном пальто, и с ним – молодую женщину в старомодном плаще-накидке. Они терпеливо гуляли у подъезда, как двое влюбленных, но изредка поглядывали на окна квартиры академика. Конец сентября был дождливым, сумрачным, и парень продрог, ссутулился и курил, не вынимая сигарету изо рта, но его подруга словно не замечала холода. По виду это был типичный аспирант или соискатель, написавший наконец-то кандидатскую к тридцати пяти и теперь пришедший в сопровождении жены заполучить рецензию академика. Таких за последнее время побывало с десятком, и Насадный всем отказал, ссылаясь на то, что мнение опального академика не поможет, а напротив, повредит. Некоторые уходили с благодарностью за такое откровенное предупреждение, некоторые с тоской в глазах...

Стучали наверняка они, и хотя за расстоянием было не разглядеть лица, Насадному показалось, что этот парень уже приходил однажды. Академик задержался на балконе, выждал, пока пара войдет в подъезд. Через полминуты – время, чтобы подняться к двери его квартиры, – стук возобновился.

Насадный пообедал, вымыл посуду и сел в кабинете за работу – парень, на сей раз с кейсом в руке, все стучал, методично, через короткие промежутки. Обычно терпения у посетителей хватало на четверть часа, не более, чаще всего уходили, оставшись неизвестными, или бросали записку в почтовый ящик. Этот проявлял чудеса выдержки, в общей сложности пробыл под дверью около четырех часов, и все это время работа у академика не клеилась – отчего-

то хандрил компьютер, зависала графическая программа, с помощью которой он составлял из кусочков будущее каменное полотно. Машина была старая, слабосильная для современных программ, однако удивительно чувствительная и давала сбои, когда Насадный был не в настроении или злился. И сейчас у него вдруг слетел файл, где он почти уже выложил мозаику из полусотни разрозненных деталей. Как только незваные гости ушли, он обрел душевное равновесие, и все поправилось.

На другой день он попал в осаду с самого утра. В очередной раз, когда стук прекратился на перекур, у подъезда опять гуляла та же парочка, и парень сегодня показался более хмурым и решительным. Тогда Святослав Людвигович снял дверь с запоров и чуть приоткрыл. Гость занес было руку и от неожиданности застыл.

– Чем обязан? – недружелюбно спросил Насадный. – Нужна рецензия?

На полутемной и гулкой лестничной площадке старого питерского дома каждый звук усиливался, и потому голос прозвучал будто из динамика.

– Нет, мне не нужна рецензия, – ответил пришедший, крепко держа подругу за руку. – Мы пришли... Мы хотели поговорить с академиком Насадным.

– Я слушаю.

– Моя фамилия – Зимогор, – представился незнакомец. – Олег Павлович Зимогор. А это моя жена!

– Понимаю, – буркнул академик. – Что вам нужно?

– У вас сейчас включена какая-нибудь электроника? Ну, телевизор, видик, радиоприемник...

Как всегда в подготовительный к собиранию панно период, с утра до вечера работал компьютер...

– А что? Вы ходячий вирус?

– В какой-то степени... Прошу вас, выключите, тогда мы войдем.

– Если впуссу!

– Впустите, пожалуйста, мы же достучались...

Насадный сходил в кабинет, выключил компьютер и впустил гостей. Они сняли плащи, со скрытым любопытством озирая необычное наполнение квартиры, с удовольствием восприняли, что здесь можно не снимать обуви, и прошли за хозяином в кабинет.

– Выкладывайте, – холодно проронил академик, знаком указывая на старый диванчик-канapé.

– Простите, что так упорно прорывался в ваш дом, – сказал Зимогор, кося глаз на шкафы. – У меня нет другого выхода... Я ваш коллега, работал главным геологом, теперь... начальником экспедиции. Специальной экспедиции в системе военно-инженерных войск. Недавно назначили...

– Поздравляю, – ухмыльнулся академик. – Ближе к делу.

Гость вызывал чувства не однозначные: глубокое внутреннее упрямство соседствовало в нем с некоторой интеллигентской растерянностью и несобранностью – качествами, которые Насадный терпеть не мог. Но жена его была мила. Она отстраненно рассматривала полотна академика на стенах и, кажется, ничего не слышала.

– Мне известно, вы занимались астроблемами, – сказал гость извиняющимся тоном. – В сегодняшней литературе практически ничего нет по этому вопросу, серьезного ничего нет. А закрытые источники почему-то так... закрыты, что не подойти даже через Министерство обороны.

– Что вас интересует конкретно? – поторопил академик, не любивший долгих прелюдий.

– Балганский метеоритный кратер на Таймыре.

– Я больше не занимаюсь кратерами. Материалы по Таймыру находятся в Министерстве геологии и Минфине, – отчеканил Насадный. – Ищите там.

– Искал... Но того, что нужно мне, там нет и никогда не было. Меня интересуют ваши работы по поиску прародины человечества.

Святослав Людвигович взглянул на него иными глазами и вместо скрытого упрямства увидел нечто иное. Это не имело ничего общего с душевной болезнью; такой свинцовый отблеск появляется в глазах у совершенно здоровых людей и называется одержимостью.

– Откуда вам стало известно о моих работах? – жестко спросил он.

– От своего приятеля, как говорят, из неофициальных источников.

– Кто ваш приятель?

– Слава... Станислав Коньрев. Он тоже геолог по образованию, но сейчас торгует бензином, строит автозаправки по Московской области.

– А он откуда знает?

– Коньрев знает все... За счет своих связей. Вернее, знал. Теперь у него большие проблемы, его Эксперт... в общем, тяжело заболел. Впрочем, и сам Шейх больше не нуждается в информации...

Академик понял, что толку не добиться, да и в общем-то было не особенно важно, каким образом этот одержимый Зимогор узнал о его давнем и почти тайном увлечении. Несколько месяцев назад у него побывал еще один одержимый – волею судьбы журналист Сергей Опарин, который тоже пришел спросить о родине человечества. И можно было сделать двоякий вывод: либо созрела ситуация, если совершенно разные люди вдруг бросились искать эту родину, либо он сам становится центром притяжения определенного сорта людей, которых нельзя назвать больными, но и нормальными не назовешь с точки зрения сегодняшнего меркантильного рыночного времени.

Он сам был таким, однако в отличие от других, умудренный возрастом, осознавал свое состояние.

– Зачем вам родина человечества, молодой человек? – спросил он точно так же, как спрашивал журналиста.

– Мне?... Мне она, если откровенно, не очень-то и нужна. Нет, конечно, все это любопытно, только я никогда не ставил задачи, не занимался... Ее искали вы. А я случайно... или не случайно открыл, вернее, обнаружил эту родину.

– Ездили в Балганский кратер? Или там работаете?

– Нет, не ездил, и на Таймыре никогда не бывал. А что, вы считаете, родина человечества там?

Академик посмотрел на него, как на обнаглевшего студента.

– А вы с этим не согласны?

Зимогор смутился, почувствовав жесткость собеседника, и, вероятно, от этого только усугубил положение.

– Я исхожу из фактов... Из реальных фактов, имевших место. Вы открыли на Таймыре алмазы космического происхождения, уникальное, богатейшее месторождение. Построили там город... Ведь это еще не доказательство, что именно в этом кратере возникла разумная жизнь. Алмазы – да, их можно пощупать руками... Но даже они возникли... образовались из земного материала, из графитосодержащих гнейсов. Там нет ничего такого, что бы указывало на возникновение разумной жизни.

Насадный слушал весь этот лепет и чувствовал, как теряет терпение.

– Не понимаю... Зачем вы пришли? Говорить мне глупости? Нести младенческий вздор? Знал бы – не впустил!

– Да нет, как же! Мы принесли вам радостное известие! – неожиданно вмешалась жена Зимогора, сияя от распирающего ее не совсем понятного старику счастья. – Вы всю жизнь мечтали!.. Но судьба сыграла... не совсем добрую шутку. И все равно, счастье вам улыбнулось! Открыть алмазы... пусть и технические, зато с таким содержанием! России хватило бы

на всю оставшуюся историю... А город?! Я видела только фотографии!.. Стекланный купол и тропическая растительность в Арктике вообще потрясают воображение!.. Вам удалось сотворить мечту! Жаль, что его купили... Вернее, жаль, что продали.

– Что продали? – автоматически спросил Насадный, зацепившись сознанием за последние слова. – Купол продали?

– Да нет, город. Целиком. С куполом, с аэродромом и всей инфраструктурой.

– Как это – продали? – Святослав Людвигович ощутил, как начинает тупеть, и пошел в наступление на Зимогора. – Я вас спрашиваю! Кто продал? Кому?!

– Н-не знаю... Сейчас все продают, покупают, – замялся гость, не теряя внутренней радости. – Вот и ваш город...

– Кто вам такое сказал?!

– Мне?.. Мне сказал Коньрев. Он выяснил через своего Эксперта, получил информацию из первых рук...

– Какого эксперта?!

– Я говорил, у Шейха есть человек в верхах, бывший министр финансов. Да вы наверняка видели его по телевизору, улыбается...

– Да как можно? – возмущенно перебил его академик. – Это же город! Целый город, на двадцать тысяч жителей!

– Но он стоял мертвый, брошенный...

– Он был законсервирован! Я сам, сам забивал окна, спускал воду из теплосетей!.. Он остался стоять, как белый корабль у пирса!..

– И все равно пустой... Да бросьте вы, академик! Я вам покажу такое – сразу все забудете!..

– Бросить? Как это – бросить?! Кто же отважился... – Академик окончательно потерял самообладание. – Нет! Нет! Кто купил?! Кто посмел купить город?!

– Точно не знаю. Коньрев говорил, какие-то братья Беленькие. Или общество Белых братьев... Я не совсем понял. – Зимогор вдохновился: – Если нужно, я уточню. Но вы не расстраивайтесь, Святослав Людвигович! Я пришел вас утешить! Да!.. Потому что обнаружил то, что вы искали! И вовсе не там, не на Таймыре!

Насадный глядел на него теперь, как на врага, и лишь старость, физическая слабость и присутствие здесь его милой жены не позволяли ему взять гостя за шиворот и выкинуть за дверь. Отчаянная попытка сделать это была бы просто смешной...

Он сел, стиснул кулаки, проговорил с тихой усталостью:

– Уходите отсюда. Пожалуйста...

Зимогор не услышал, и его веселость казалась издевательской.

– Сейчас... Одну минуту! – Открыл-таки кейс и тут же захлопнул, словно опасался выпустить птицу. – Знаете, у вас тут компьютер...

– Вы что, ходячий вирус? Я его выключил!

– Нет, солонка пуста, но мало ли что, – озабоченно заговорила жена Зимогора. – Нужно накрыть системный блок фольгой или сеткой. На всякий случай... Могут полететь все программы и файлы. У вас есть обыкновенная фольга? Ну, в которой запекают мясо?

– Я не запекаю мясо, – сквозь зубы выдавил академик.

– Вы живете один? – почему-то изумилась она и тут же пожалела. – Это очень грустно – жить одному...

– Пожалуй, нет! Лучше я отключу и вынесу его в другую комнату, – решил наглый гость и, отсоединив системный блок, понес его в коридор. – Так будет надежнее!

Святослав Людвигович вскочил с желанием вышвырнуть кейс вслед за ним, однако внезапная и отчетливая мысль, что Зимогор тут ни при чем, остановила его. Да, он странный, одержимый, может, даже не совсем здоровый человек, и при этом совершенно не виновен.

Если не считать принесенной им дурной вести о проданном городе...

– Поставил в мастерской! – сообщил он, вбегая в кабинет. – За чугунную станину камнерезки, не достанет...

– Кто вы? – будто очнувшись, спросил Насадный. – Кто вы такие?

– Я представился, – несколько растерянно проговорил Зимогор. – Геолог, работаю начальником экспедиции, в системе военно-инженерных войск. А это моя жена...

– Это я понял!.. Зачем пришли? Вернее, с чем? Сказать, что продали мой город?

– Нет, я случайно... открыл астроблему, метеоритный кратер, который стал родиной человека.

– Какого человека?

– Человека разумного! Из породы земных! Их еще называют – гои...

Ноги академика подломились. Он грузно осел на шаткий стул и, пожалуй, в третий раз увидел гостя в новом образе. А тот откинул крышку кейса, отделанного внутри зеленоватой медной сеткой, достал жестяную коробку из-под чая, бережно поставил на стол и извлек из нее маленькую стеклянную солонку со стальной дырчатой крышечкой.

– Вот, – заключил Зимогор, – здесь были не алмазы и не золото. Сюда входит всего десять граммов мелкой соли. При желании можно засыпать сто золотого песка или двести курчатовия, каких-нибудь актиноидов... Некоторое время здесь находилась манорайская соль! Невероятно тяжелое черное вещество – примерно сто семьдесят граммов один кубический сантиметр!

– И где же она, ваша соль?

– Ее отняли, – мгновенно и ненадолго сник странный гость. – В общем, и правильно сделали... Я не жалею, правда! Но она была!

– Я не знаю, что такое манорайская соль.

– Правильно, никто этого еще не знает в ученом мире, – засмеялся он. – Но я держал ее на ладони! Это особое вещество!.. Солнечное! Точнее, метеоритное вещество солнечного происхождения. Солнечный ядерный взрыв выбросил вместе с протуберанцем часть расплава... или солнечного тела, монолита. И в космосе возникла комета... Нет, скорее, огненный астероид, который много миллионов световых лет носился во Вселенной. Пока не достиг Земли...

– Бред, молодой человек! Вы ничего не понимаете ни в геологии, ни в астрономии, ни тем более в проблемах звездных ран!

Зимогор сглотнул ком, но не обиделся.

– Возможно... Скорее, вы правы, академик. Но в этой солонке была соль!

– Была и сплыла!

– Я сам видел! Держал в руках!.. Нет, все по порядку. Сначала в Манорае я встретил свою бывшую жену. То есть вот ее! И знаете... все вспомнил и снова влюбился. Вы же видите, какая она прекрасная!.. Впрочем, что я? Я стал счастливым! Самым счастливым!

– Поздравляю, – буркнул академик. – Не пойму, что вам надо? Встретили и снова полюбили бывшую жену, счастливы, недавно назначены начальником экспедиции... Что вам надо, молодой человек? Зачем вам родина человечества?

– Как же! На свете столько несчастных! И стыдно быть счастливым! – с прежним восторженным трепетом проговорила жена Зимогора. – Но и у вас скоро все образуется...

– Вы что, тоже ищите Беловодье?

– Ничего подобного, мы не ищем. Мы его нашли! – Зимогор поднял на ладони солонку, как драгоценный камень. – И вот мое доказательство!

– Там дырка от бублика! – Насадный ощущал раздражение: гость все больше напоминал счастливого идиота.

– Нет, академик! Не дырка! Эта вещичка... напиталась энергией манорайской соли. Представляете, какой энергетической силы вещество, если одна остаточная действует потрясающе! Если бы у вас тут остался компьютер, а я поднес к нему... Впрочем, идея! – Он залез на

стол грязными ботинками. – Сейчас продемонстрирую! Чтоб не голословно! Смотрите, подношу к часам солонку!..

Он едва сдерживал ребячий восторг. Циферблат электронных часов на стене вдруг засиял, после чего секундная стрелка дернулась пару раз, замерла и пошла в обратную сторону...

Альпийский луг, малахитовый от дождя, был разрезан вездеходными гусеницами надвое, и южная его сторона порядком обезображена техникой, разбросанным оборудованием, трубами, глубокими шурфами и ямами, тогда как северная, более высокая, оставалась еще ярко-зеленой и нетронутой. Впрочем, если смотреть сверху, с горы, создавалось впечатление, что здесь еще не ступала нога человека, поскольку сама буровая установка, трактора, небольшой экскаватор и вся окружающая площадь были по всем правилам затянuty маскировочными сетями, которые следовало менять, ибо осенняя желтизна уже побила яркую зелень.

– А что сетями завешались? – засмеялся Коньрев. – Смотри, как на фронте!.. От дождя, что ли?

– От вероятного противника, – буркнул Зимогор.

– Где же он? Невероятный?

– В небе летает...

Сети вряд ли спасали от чужого брошенного с высот космоса взора; тем более от крупного холодного дождя, который, разбиваясь о них, сеялся на землю ровным, бесконечным потоком.

Несмотря на середину сентября и ливень, мероприятие называлось – «построить на морозе». Все три смены буровиков вместе со старшим мастером, горняки и служба стояли в строю у вагончика и, промокшие насквозь, тихо изнывали. Пять суток не просыхавшие похмельные мужики страдали от жажды, слизывали бегущую по лицам воду и вряд ли что сообщали, слушая начальственные голоса в монотонном шорохе дождя; чуть бодрее выглядели молоденькие охранники в камуфлированной форме – отделение внутренних войск, построенное своим командиром в другой стороне и по собственному усмотрению. Им спирта перепало меньше, к тому же, подневольные, они еще помнили, что впереди предстоит дембель и совершенно иная, свободная жизнь.

Коньрев, как человек ничем не озабоченный и не отягощенный, напоминал иностранного туриста – ходил с восторженными глазами, говорил междометиями и часто подносил к лицу пластиковый пакет, где была спрятана видеокамера. Олег предупредил его, что съемка тут запрещена, однако невероятно разбогатевший за последние годы на торговле бензином Шейх давно перешел черту, за которой уже нет ни ограничений, ни запретов.

– Мне все можно, – в ответ сказал он и камеру спрятал только от влаги. – И вообще не напрягай, я отдыхаю.

Как и положено инспектирующему лицу, Зимогор расхаживал перед строем, выслушивая бестолковый доклад Ячменного, и молчал. Поджарый высокий начальник партии с самой первой минуты злил его своими армейскими замашками и еще тем, что не избежал соблазна хлебнуть дармового спирта: взор его был красным и мутным, слипались сохнувшие губы. Зимогор мстительно думал, что в первую очередь следовало бы наказать начальника, и тот, чувствуя это, еще больше терялся, путался, однако при этом в глазах появлялся гневный блеск – в общем-то не плохой признак человека, умеющего постоять за себя и с достоинством принять наказание. Ячменного он знал плохо, поскольку тот пришел со стороны, и, по сути дела, вот так близко они сталкивались всего во второй раз, да и познакомились недавно – в мае, когда Зимогор приезжал сюда же разбираться, почему из партии вдруг ушли высококлассные специалисты – пять человек сразу!

На бурении, да и вообще в геологии Ячменный работал всего-то года два, но зато после геологоразведочного института служил в армии, а когда началось сокращение, благодаря сво-

ему образованию получил работу в экспедиции, входящей в структуру военно-инженерных войск. И должность досталась совсем не плохая – начальник горнобуровой партии. Но работать под ним сугубо гражданским людям оказалось тяжело, бывший капитан установил военные порядки, что очень нравилось начальнику экспедиции Аквилонову. А что не нравилось ему и всем, кто сталкивался с Ячменным, – это его армейская находчивость, грубо говоря, способность врать мгновенно, на голубом глазу, и выворачиваться из любой ситуации. Иван Крутой, как прозвали Аквилонова, страшно возмущался по этому поводу, но ему ни разу не удалось уличить во вранье и потому он даже восхищался талантами начальника партии.

По поводу «утечки мозгов» из партии Ячменный написал пространную объяснительную, где уверял руководство, что все бежавшие специалисты не пригодны для работы по состоянию здоровья, поскольку у них началось резкое ухудшение самочувствия, необратимые психические изменения в виде маний чистоплотности или, наоборот, дикости и озверения. И к сему приложил медицинские справки, полученные в клинике Горно-Алтайска, фотографии бредящегося завхоза Балкина, который убежал из партии одним из первых, и опустившегося, похмельного компьютерщика с явными признаками деградации личности.

Этот изобретательный лгун к тому же тайно писал стихи и несколько своих сочинений даже опубликовал в газетах под псевдонимом.

Зимогор был готов к поединку и цель имел единственную – до приезда сюда правительственной комиссии вытащить из Ячменного хоть что-нибудь похожее на правду и примерно накидать план, как защищаться.

– Все здесь? Или еще кто-то по кустам сидит? – будто между прочим спросил он, но так, чтобы слышали мастера и начальники смен.

– Так точно! – блеснул похмельным взором Ячменный.

– Одного нету! – вдруг брякнул кто-то в строю. – Циклоп сидит в вагончике, расстройство желудка.

Циклопом звали двухметрового одноглазого завхоза Величко, принятого в партию вместо сбежавшего Балкина, – личность молчаливую и странную. Он нормально обходился тремя десятками слов, половина из которых были матерными, и говорили, что он долгое время считался немым, потом вылечился и научился говорить. С Циклопом у Зимогора были свои давние счеты, и теперь он жаждал встретиться с ним и посмотреть в его единственный бесстыжий глаз. Начальник партии не знал об их особых отношениях и потому принял Величко на работу, мотивируя тем, что он считался профессионалом, поскольку раньше трудился на такой же должности в бригаде МЧС, которая собирала тут отработанные ступени космических кораблей, и имел допуск к работе на секретном объекте. Кроме того, Циклоп отлично знал нравы местного населения, никогда не спорил с начальством, берег имущество и обладал огромной физической силой, так что держали его еще и вместо лошади, используя для переноски и перевозки тяжестей. Завхоза за это иногда называли Кубическая Сила, слегка переделав его излюбленное нецензурное выражение.

Несмотря на всю его странность, Циклопа любили женщины, и у него в округе было несколько любовниц.

– А у тебя нет расстройства? – спросил Зимогор, глядя в глаза Ячменному.

– У меня нет, – буркнул тот, отворачиваясь. – Алиханов! Поставьте в строй Величко. И посмотрите там, где старший мастер Гнутый! Почему не в строю?

Алиханов пожал плечами и тяжело побежал к жилому сектору. Дождь пошел с ветром, и маскировочные сети зашевелились над головой, начали всхлопывать, как паруса.

– Должно быть, мало выпил, если не пронесло, – хмыкнул Зимогор. – Зачем народ построил? Думаешь, буду мораль читать?

– Положено... Приехал старший начальник... И хорошо, что вы приехали. А это кто с вами? – показал взглядом на Конырева.

– Шейх, король бензоколонок...
– Не понял... У него допуск есть?
– У шейхов есть все!
– А то Перцев арестует...
– Кто был на смене, когда произошла авария? – тихо спросил Зимогор.
Начальник партии посмотрел в небо, слизнул губы.
– Сам старший мастер Гнутый с помощником. Ну и дизелист Ярков...
– Кто из них обнаружил контейнер со спиртом?
– Ярков обнаружил... Вышел из дизельной покурить, а на маскировочной сети... прямо над головой – ящик из-под взрывчатки. Но авария уже произошла, занимались ликвидацией.
Ложь была настолько невероятной и грубой, что Олег несколько разочаровался в способностях бывшего капитана.

– Давай спросим у Шейха? – предложил он. – Как бывает по жизни... Эй, Рокфеллер! Иди сюда!

Коньрев не спеша приблизился, выкатил свой толстый живот и поправил настоящую ковбойскую шляпу.

– Есть проблемы?
– Тебе не подбрасывали к дверям офиса, например, ящик с коньяком? – спросил его Зимогор. – Так по жизни бывает?

– По жизни бывает. Только пара бутылок может быть отравлена и одна непременно заряжена. Допустим, килограмма на полтора в тротиловом эквиваленте. Ошметки приходится соскабливать со стен.

– А что первично: спирт или авария?
– Первична материя, как в школе учили, – сказал Коньрев. – Авария на скважине, как и всякая катастрофа вообще, вещь мистическая, ирреальная...

– Слышишь, что говорит опытный человек?
Ячменный мотнул головой, зло поиграл желваками.
– Сейчас ничего доказывать не буду. Потом докажу!.. А пока придется верить на слово, Олег Павлович.

Тогда, в мае, он показался Зимогору более покладистым в обращении с начальством, чуть ли не каблуками щелкал и врал мягче, осторожнее. Сейчас освоился и вроде бы начинал дерзить.

– В радиограмме сказано, авария произошла не по вине смены, а по горнотехническим условиям проходки. Это как понимать?

– В прямом смысле, – подумав, сказал Ячменный. – Иначе бы вы не приехали. Я знал, что главный геолог болеет, главный инженер в отпуске и что кроме вас ехать некому. Аквилонов чужого не пошлет... На самом деле причина совсем другая.

– Хочешь сказать, таким образом вызвал меня?
– Другого выхода не было. Вы мне тогда, в мае, понравились...
– Вот оно что! – не удержался от сарказма Зимогор. – А у тебя как с ориентацией, капитан?

– Я не в том смысле, Олег Павлович! – смутился начальник партии. – Как человек понравились, как геолог... Только вы и сможете разобраться. У нас тут творится... Ну полная чертовщина. В смысле геологии. Все похоже на диверсию.

– Если это диверсия, надо вызывать Ангела. Или прокуратуру, контрразведку... Что же не вызвал? Не захотел сор из избы выносить?

Начальник партии резко боднул сеть головой.
– Я как человек в прошлом военный хорошо знаю эту публику! Спишут на пьянку и все. И Ангела этого тоже знаю, полная бестолковщина.

Ангелами в экспедиции называли работников особого отдела. Когда-то их набиралось до десятка, а теперь оставался один на все объекты – тощий носатый человек без возраста.

– На что же мне прикажешь списывать аварию? На силы небесные?.. Неужели ты всерьез считаешь, что ящик со спиртом «Роял» – диверсия?

– Какой же дурак подбросит сорок литров за просто так? – возмутился начальник партии. – Сначала происходит авария, потом подбрасывают спирт!..

– По жизни так не бывает, – встрял Конырев.

– У нас тут все бывает! – огрызнулся на него Ячменный, не подозревая, что дразнить богатых и циничных людей очень опасно.

– Слава, погуляй, мы тут потолкуем, – дабы предотвратить избиение младенца, попросил Зимогор.

Начальник партии проводил Конырева презрительным взглядом.

– И не ждите. Циклопа не приведет, – сказал в сторону. – Его уже три дня как нет на участке. Но это все скрывают, решили, что он у... барышни. Прихватил с собой четыре литровых бутылки «Рояла», пять батончиков импортного сала и сбежал к подруге в Матвеевку. Но я был там... Величко у подруги не появлялся.

– У какой... подруги? – настороженно спросил Зимогор.

– Да есть тут одна... тварь. Со всеми мужиками переспать успела, даже с солдатиками...

– Начальник партии боднул воздух головой. – Местная потаскуха, ночами шастает вокруг и буровиков уводит...

У Зимогора чуть колени не подломились, душа оборвалась и полетела в бездну, и, чтобы остановить это падение, он схватил Ячменного за грудки, рванул так, что затрещала куртка.

– Кто она?! Кто?!

Тот не ожидал подобного, вытаращил глаза и не сопротивлялся.

– Кто – кто?.. Вы про что? Про бабу? Или про Величко?

– Как ее зовут?

– Кого? Эту местную?..

– Местную!

– Да имя... какое-то необычное. Забыл!.. Ну, еще насосы такие есть, бытовые...

– Какие насосы?! – взревел он.

– Вспомнил – Агидель! – Ячменный неловко, смущенно засмеялся. – Говорю же, такие насосы бывают...

– Агидель? – переспросил Зимогор.

– Ну, Агидель! Местная, алтайка... У них тут имена звучные!

Красные сполохи в сознании, разъярившие его, как быка, вмиг угасли, будто ничего и не было. Он выпустил куртку и, смущенный еще больше от внезапного взрыва чувств, огляделся, бросил в сторону:

– Ну и память у тебя...

И все-таки начальник партии что-то заподозрил, глянул с затаенным интересом, и лишь армейская привычка держать дистанцию с начальством не позволила ему спросить, чего это вдруг Зимогор взбесился?..

Надо было как-то оправдывать нелогичность своего поведения...

– Так где Циклоп? – вспомнил Олег.

– У него на самом деле было расстройство, от шей-борщей, – осторожно сказал бывший капитан. – Жрем мобзакладку, двадцатипятилетней давности. У нас у всех тут... кого тошнит, кого носит... Тухлятину! – Он понял, что странная эта угроза миновала, и осмелел. – Натуральную, в собственном соку!.. И тут сорок литров чистейшего!

– Ты сам который день гудишь? Только честно?

– Пятый, как все...

- А вчера сколько принял?
- Три стакана, с рубчиком, – честно признался Ячменный.
- Молодец!.. Не стошнило?
- Эх, Олег Павлович!..

Он откровенно переживал случившееся, но при этом в глазах таилось мужское любопытство: мол, ты что, тоже на эту бабенку нарвался? Ну и как она?..

Лучше бы посчитал обыкновенным психопатом...

– Ваша партия работает здесь пятый месяц! – неожиданно для себя заорал Зимогор. – Закончились все сроки! Между прочим, над головой давно висит американский спутник! Снижает все изменения обстановки. Вас давно засекли!

– Не понял, при чем здесь спутник? – вылупил глаза Ячменный. – Пусть висит...

– При том!.. Напиваетесь халявного спирта и делаете аварию на шестистах метрах скважины!

– Говорю же, авария случилась до того...

Олег спохватился, выругался про себя – действительно, при чем тут спутник?

– Сколько уйдет времени на ликвидацию? – после паузы мрачно спросил он. – Неделя?

Чуть поодаль, возле караульных вагончиков, стоял еще один строй, из отделения солдат внутренних войск, и молоденький лейтенант в камуфляже и нелепо высоченной фуражке, заметно припадая на правую ногу, медленно расхаживал вдоль него и, судя по виду, читал мораль. Напоминал он маленького хромого и злого короля, многожды побывавшего в сражениях, только вместо горностаевой мантии по траве тащилась плащ-накидка.

Ячменный тоже прошелся взад-вперед, помолчал, сказал прямо, будто приговор вынес:

– Эта авария ликвидации не подлежит. Сам смотрел... Оторвали колонковую трубу и четыре штанги. Пытались достать – изломали весь аварийный инструмент. Мы же не только пили все эти дни!.. Потом хотели расшарошить штанги – оставили на забое шарошечное долото. А его ничем не разбурить... И станок, можно сказать, угробили.

– Все хорошо, прекрасная маркиза...

– У нас же в экспедиции нет другого такого станка...

– В стране нет!.. Золотой станок! Экспериментальный! – не сдержался Зимогор и замолчал.

– Золотой... – проворчал начальник партии. – Напихали электроники, контрольно-измерительной аппаратуры и думают, у буровиков сейчас не жизнь будет – малина. А она вся отказала! Ни одна система не работает!

– Правильно, если к ней подходить с ломом и кувалдой...

– Да кто к ней с ломом подходил? Берегли, как яйца, лишний раз включить боялись... Нет, станок-то ничего, – поправился он, – механика отличная, но эта новогодняя мишура в нем – дерьмо. А он без нее не работает!

– Пользоваться не умеете. Почему-то в самолетах она работает, в космических кораблях – годами! А у вас – нет...

– Ладно, Олег Павлович, я действительно не умею. Но сам Гнутый сделал аварию! А он полгода на специальных курсах учился, компьютер знает, программировать умеет, задавать режимы. Но именно в его смену станок и накрылся!

– Специалисты разберутся, отчего он накрылся.

– Если Гнутый не может ничего понять, хрен тут разберешься! Когда электроника стала давать первые сбои, мы же вызывали спеца. Приехал, поковырялся, кнопки подавил – все в порядке. Два метра пробурили, подъем снаряда сделали – опять сбой. Все зависло, заблокировалось...

– А потом кто ремонтировал?

– Никто... Часов десять не трогали, само наладилось.

– Значит, умная машина, рассчитанная на дураков.

– Да нет, у нас тут климат такой, – многозначительно вымолвил Ячменный. – Влажность высокая. Даже единственный телевизор сгорел к чертовой матери, мужикам кино не показать...

Мужики стояли в отдалении и вряд ли слушали перепалку – мокли под дождем, переминались, щелкали кедровые орехи и глядели на начальство с каким-то виноватым остервенением. Если специалисты докажут, что авария произошла по вине бурильщиков, за станок придется платить немалые деньги. Причем сумму раскинут на всех. И если еще поставят в счет часть стоимости скважины – до конца своих дней таких алиментов не выплатить...

Не потому ли завхоз Величко бросился в бега?

– Вообще-то все шло нормально, промывочная жидкость поступала, алмазную коронку сменили перед этим злосчастным спуском, – вдруг стал оправдываться начальник партии. – И тут заклинило!.. Такого не бывает, Олег Павлович. Я буровик по квалификации и алмазное бурение знаю...

– Спирт «Роял»! Вот причина!

– Старший мастер Гнутый не пацан. Говорит, был провал инструмента на метр сорок семь. Умный этот станок сам остановился и начал закачку жидкости. Думал, каверна, пустота... Как только промывка пошла, автомат запустил вращение. Гнутый проконтролировал.

– А в перерыве заглотив три стакана с рубчиком.

– Спирт появился потом! Потом! – сипло от негодования и жалости к самому себе выдохнул начальник партии. – Но этот мастер может работать и после трех... Это же легендарная личность!

– После трех стаканов «Рояла» не может работать никто! В том числе и легендарные...

– Гнутый может...

– Короче, почему заклинило инструмент на забое? – прервал Зимогор.

Начальник партии подумал, виновато помедлил:

– Не знаю. Хоть под трибунал... Гнутый говорит, будто кто-то медленно тормозил и одновременно тянул вниз. Он станок нервами чувствует, лучше, чем всякая электроника... За семь минут снаряд ушел на сто девятнадцать сантиметров. Провал бурового инструмента!.. Даже по мягким породам, даже по ледяной линзе столько не пробурить алмазом. А потом коронка прижглась к забою, но шпиндель начал вращаться в обратную сторону, сам. Это дурацкая автоматика с ума сошла! Или не знаю почему... Снаряд и раскрутился.

– Кто же его вращал, – усмехнулся Зимогор, – на глубине шестьсот семьдесят шесть метров?

Ячменный посмотрел в глаза, показалось, ухмыльнулся зловредно:

– Не имею представления! Вы приехали, вот вы и разбирайтесь, кто вращал. А наше дело телячье...

– Не юродствуй, Ячменный! – оборвал Зимогор. – Завтра здесь будет правительственная комиссия! Вместе с заказчиком и, разумеется, особым отделом. А заказчик, между прочим, Генштаб твоей родной армии. Знаешь, что было, когда там узнали об аварии? А что было в правительстве?.. Короче, завтра они сюда прибывают. И увидишь, как головы полетят... И аквилоновская в том числе! Но прежде он мою оторвет, Ячменный, хотя я здесь вообще ни при чем. Наоборот, предупреждал... Так вот, согласно табели о рангах, я откручу сначала твою.

– Откровенно сказать, Олег Павлович, мне наплевать, – неожиданно взъярился бывший капитан. – Не надо пугать комиссиями! Я за такую работу не держусь. Семьи у меня теперь нет, родни с рождения не бывало, детдомовский. Стыдиться некого! Уволите, – пойду в частный бизнес. Кое-какой опыт есть, буровым мастером в нефтеразведку всяко возьмут. Не у нас, так в Чечне, например. У них специалистов мало. А нефть – «черное золото»...

В это время вернулся посыльный Алиханов, виновато глянул на Ячменного:

– Нету Циклопа в вагончике. И поблизости нету.

– А где Гнутый?!

– Он на буровой, что-то маракует. А Циклоп куда-то отошел, может, где в кустах сидит. Должен подойти...

– Его уже три дня как нет! – рыкнул начальник партии. – И нечего тут темнить!

– И в Матвеевке не было! – с готовностью доложил тот. – Агидель сказала, не появлялся уже больше недели!

– Свободен, – бросил Зимогор, приступая к Ячменному вплотную. – Так кто подбросил спирт? Уж не эта ли Агидель?

– Издеваетесь, – в сторону сказал Ячменный. – Она по другой части...

Зимогор обвел глазами строй, остановился на Ячменном.

– Если тебе наплевать, – спокойно проговорил он, – если ты в нефтеразведку собрался... То мне подавно наплевать на все здесь! И на всех! Между прочим, я предупреждал!..

И, не договорив, отправился вниз по склону, куда все время тянуло взгляд: огромный малахитовый кедровник сверху напоминал бушующие морские волны, только не слышно было грохота прибоя. Хотелось нырнуть в эту молчаливую стихию и уйти на дно...

На склоне Зимогор запутался в маскировочных сетях, пришпиленных к земле, однако не стал искать прохода, деловито достал складной нож и прорезал дыру – аккуратно по своему росту. Спустившись к речке, он поискал брод, но обнаружил пунктирную дорожку, выложенную из крупных камней, перескочил на другую сторону и вошел в лес.

Темный кедровник изнутри тоже напоминал взволнованную и застывшую воду, и, так же как на дне, здесь было тихо, когда наверху, в кронах, с криком носились птицы и гулял ветер, стряхивая на землю зависшие на хвое потоки воды и зрелые шишки. Они падали с глухим стуком, иногда густо, как дождь, и чудилось, кто-то стоит на берегу этого озера и бросает камешки. Ленивые, обьевшие бурундуки безбоязненно передвигались совсем рядом, словно караси в тине, рыжие белки напоминали золотых рыбок...

Зимогор поднял шишку, отшелушил: крупный темно-коричневый орех легко вываливался в ладонь. Он расщелкал несколько штук, прежде чем вспомнил, что здесь все отравлено, однако это не остановило. Вкус крепких маслянистых ядер походил на сладкий сыр, который мать иногда варила сама. И увлекаемый этим вкусом детства, он шел в глубь кедровника, подбирая шишки и щелкал, испытывая такое же детское ощущение беззаботности и легкости. Он вспоминал, как брел здесь весной, одержимый любопытством и легким, затаенным страхом оттого, что на глазах оживает природа и он идет из ранней весны, изо льдов, снежной каши прямо в лето, где растет трава, поют птицы и пахнет сенокосом. Он даже стал узнавать места: вот два упавших от древности скрещенных кедра, через которые не то что перешагнуть – перелезть трудно: от дождя все осклизло, а сухие сучки острейшие, как железнодорожные костыли.

Сейчас будет луг, где и явилась ему женщина по имени Лаксана...

И увлекшись, не сразу заметил, что за ним следят – идут чуть ли не по пятам, почти не скрываясь. Зимогор встал за кедр, выждал минуту и резко высунулся: солдатик в мокром камуфляже, с карабином за плечом был пойман врасплох, однако помедлил и нехотя спрятался за дерево.

Олег подошел к нему, смерил взглядом растрепанную, смущенную фигуру.

– Ты что за мной ходишь?

– Командир приказал, – вяло пожал плечами охранник.

– Зачем? Составить мне компанию?

– Никак нет. Охранять...

– От кого?

– У нас тут режимный объект, – нехотя объяснил солдат. – Положено охранять весь начальствующий состав партии.

– Я обойдусь. Здесь меня не тронут.

– Как сказать. – Солдат огляделся. – Тут пещерный медведь ходит... Да и люди есть всякие...

– Какие, например?

– Да бандиты натуральные. Один Баркоша чего стоит!

– Баркоша? Это кто такой?

– Кто его знает?.. Говорят, раньше мусорщиком работал, космический мусор в Манорае собирал, – охотно объяснил солдатик. – А с весны, как ступени падать перестали, безработный. Собрал банду и промышляет по лесам...

– Грабит, что ли?

– Говорят, пещерного медведя ловит, по заказу Академии наук...

– Я же не медведь!

– У него с головой что-то... Стрельнет по ошибке. Он здорово стреляет! Даже на звук!

– А ты-то стрелять умеешь? – усмехнулся Зимогор. – Ну-ка, пальни в шишку! Собьешь или нет?

Парень секунду поцелился в крону кедра и дал короткую очередь – на землю полетела лишь хвоя...

– Вот это охрана! – заключил Олег и взял автомат из рук солдата. – Смотри, как это делается!

Он вскинул автомат, однако поставил его на предохранитель и закинул за плечо.

– Двигай на объект! Такие стрелки мне не нужны!

– Отдайте автомат, – заканючил тот. – Нельзя же... Не имею права передавать оружие...

Верните, пожалуйста!

– Поздно пить боржоми, парень. – Зимогор пошел в глубь леса.

– Но мне же влетит! За автомат!

– Скажи, медведь отобрал!

– Ну пожалуйста, товарищ Зимогор! Отдайте!..

– Иди и скажи командиру: я в охране не нуждаюсь! – Олег развернул его, как мешок, и толкнул в спину. – Увижу еще, крадешься сзади, – плохо будет.

Ему не хотелось нарушать внутреннего равновесия, и потому он даже не злился на идиотские приказы начальника охраны, однако солдатик не послушался, встал поодаль, наблюдая за бурундуками, шелушащими орехи. Зимогор молча отломил увесистый сук и пошел на охранника; тот побежал и все-таки получил раз вдоль спины – оглянулся обидчиво, словно поджал хвост, и виновато скрылся в кедраче. Олег тем временем побежал в другую сторону, к лугу, желая оторваться подальше от назойливого стража и остаться одному.

Это удалось лишь через полчаса, по крайней мере больше не казалось, что за спиной кто-то есть. И вновь вернувшись к воспоминаниям весны, он неожиданно подумал, что солдатик ползал за ним вовсе не из соображений безопасности приезжего начальника – скорее всего получил приказ присматривать за ним, чтобы не увидел чего лишнего или не залез, куда не просят.

И никак уже не мог отвязаться от этой мысли. Даже когда стал подходить к опушке кедровника, за которым начинался тот памятный луг...

Но вместо него в просветах между стволами деревьев зазеленела высокая молодая поросль – будто лес вымахал за лето! Зимогор вышел на опушку, непроизвольно прислонился к кедру и какое-то время стоял не шевелясь.

Тогда Лаксана первый раз позвала его из смурнеющего вечернего пространства: огромный луг впереди был в островах леса, будто в родимых пятнах...

Сейчас же он не узнал места, которое так часто вспоминал, оно отпечталось в памяти, как фотография. Нет, очертания луга были те же – вдали розовели заснеженные гольцы, и солнце светило так же, разве что тогда был закат. Но откуда-то впереди взялся молодой лес – роща, напоминающая бамбуковую! И пропали курганы, поросшие огромными старыми соснами...

Обыкновенная луговая трава не могла быть такой высокой...

Он забрел в глубь травы и примерился, как это обычно делают, чтобы на фотографии показать размеры предмета – кладут рядом горный компас, геологический молоток, трехкопеечную монетку...

Два человеческих роста.

С подступающим, сосущим страхом он медленно осознал, что теряет ощущение формы. Да, бывало, что перестаешь чувствовать время, бывало, что сонный плутал по квартире, не в силах отыскать дверь, случалось потом в ночной степи, что утрачивалось ощущение места. Но никогда он не терял чувства соразмерности вещей и предметов.

Но если для возвращения времени и места достаточно взглянуть на часы или компас, то сейчас он вдруг понял, что на свете не существует прибора, определяющего соразмерность пространства.

Он сел, скользя спиной по шершавому стволу дерева, рассмотрел свои руки, потом отнятый у солдата автомат, потянулся и потрогал гигантский корень, косо уходящий в землю, подобрал шишку, величиной в три своих кулака...

Он никогда ничего подобного не испытывал – сочетание несочетаемых чувств: недоумение, потрясение и возмущение одновременно! А в прошлый раз, весной, когда Зимогор пришел сюда, все было определено и ясно, хотя тоже было потрясение, однако же радостно-печальное, щемящее и жизнетворное...

Олег сидел подавленный, а вернее сказать, раздавленный неестественностью, несоразмерностью мира, знакомого места, ставшего уродливо огромным и фантастичным. И тут внезапно, как будильник, над головой оглушающе заорала кедровка, выказывая чье-то присутствие, и, только обнаружив неподалеку от себя за высоким бьльником высокую сутулую фигуру, Зимогор будто очнулся от наваждения. Однако тут же был охвачен иным чувством, более сильным и острым.

В траве стоял *не человек*.

Медведь на задних лапах, горилла, орангутанг – сразу не рассмотреть сквозь плотный частокол растений – мохнатое прямоходящее человекообразное существо... Оно наблюдало за Зимогором и не подавало признаков агрессии, но через несколько секунд, как только Олег пришел в себя и, чуть пошевелившись, потянул автомат из-за плеча, чудовище сделало предупреждающий скачок вперед и издало звук, будто зевнуло.

Пасть была точно человеческая, разве что крупнее желтые зубы...

– Не стреляй! – вдруг кто-то закричал за спиной. – Не стреляй!

Оглянуться не было сил. Тем временем существо прыгнуло назад в траву и исчезло.

И все мгновенно вернулось к привычным формам и размерам. Все, кроме травы, вымахающей до трех-четырех метров, застаревшей, жесткой, словно кустарник, и едва проходимой.

Олег наконец-то обернулся, полагая, что это солдатик все еще таскается за ним следом, но увидел космического мусорщика, знакомого с той же весны.

Этот рыжий веснушчатый парень занимался сбором отработанных ступеней, которые валились на Манораю после каждого запуска в Байконуре.

Он стоял как статуя, на широко расставленных ногах, карабин был на плече, но рука на шейке приклада. Зимогор не спеша повернул ствол автомата в его сторону, постарался незаметно сдвинуть предохранитель, однако тугая защелка не поддалась.

– Здорово, Олег Палыч! На аварию прилетел? – спросил мусорщик, будто бы ничего не случилось.

– В гости, – сказал Зимогор и сдвинул предохранитель. – Не ждал?

– Как же! Поджидали. И еще поджидаем гостей. Как у вас там авария случилась, думаем, ну сейчас навалит начальства!

– Обрадовался? Авария произошла!

– А что скрывать? Конечно! – Он присел на корточки под кедр, положил карабин на колени, осмотрелся. – Невесело, да?.. А я вас предупреждал: не лезьте без нашего ведома.

– Это что за зверь был? – спросил Олег.

– Реликтовое животное, пещерный медведь, – тоскливо отозвался мусорщик.

– Пещерный, значит...

– Живет где-то тут... А где, никто найти не может. Бежит-бежит и на глазах будто сквозь землю проваливается.

– Смотрю, и тебе не особенно-то весело...

– Заботы, мать их, – выругался мусорщик и показал головой в сторону убежавшего зверя. – Подрядился отловить... Для Сибирского отделения Академии наук. А ты мне охоту испортил. Ты его не трогай, если еще увидишь. Он в принципе безвредный, только продукты ворует и овсы травит...

– Спирт ты подбросил? – утвердительно спросил Зимогор.

– У меня годовой зарплаты не хватит на такой подарок...

– Тогда медведь? – Олег покосился на траву. – Украл где-нибудь и подбросил.

– Да он и сам выпить не дурак...

– Кто?..

– Говорят, когда-то приручили его местные, с мужиками пить стал. И буянит, орет ходит.

– Значит, про спирт слышал?

– Слышал, буровики нашли и напились в доску.

– В доску пьют плотники, – поправил серьезно Зимогор. – Буровики до обратной промывки.

– А геологи? – мрачновато спросил тот, видимо, вспоминая весенний случай, когда пили на этом самом месте «Кремлевскую».

– Геологи пьют до обнажения... Так откуда спирт-то взялся?

– Не надо собак на меня вешать. – Мусорщик отвел глаза.

– Я что, – вздохнул Зимогор. – Говорю с тобой, как... старый знакомый. Завтра прилетит сюда Ангел, вот он не так будет разговаривать. И с тобой, брат, особенно.

– А кто это – ангел? Из милиции?

– Да нет. Федеральная служба безопасности.

– Солидно!.. Чем же это я удостоился?

– Будто не помнишь чем, – усмехнулся Зимогор. – Должок за тобой, еще с весны...

Мусорщик нахмурился, поискал что-то на земле и сунул в рот соломину.

– Я тут ни при чем. Наняли меня, проверить на вшивость, – я проверил, деньги с братвой получил. Мы же тут теперь безработные, за любое дело возьмешься, когда жрать охота...

– Теперь мой черед.

Мусорщик посмотрел на ствол автомата, направленный ему в грудь, и лишь стиснул цевье карабина.

– Давай мочи, если есть охота... Теперь один хрен – не жизнь.

– И умирать не жалко?

– Какая это жизнь? – Мусорщик согнул шею, глядя в землю. – Ну, давай...

– Нет, сначала пытаться буду, – ухмыльнулся Зимогор. – Как твоя настоящая фамилия?

– Ты же знаешь – Баркоша...

– Врешь. Тебя зовут Карнаухов Борис Федорович. Верно? Или звали так. Тюрьмы Китая, Израиля... Попытки уйти в Монголию, ну и прочие задания партии и правительства.

Мусорщик сверкнул глазами, однако сразу же потух.

– Да хрен с ним теперь... Ну, звали так. Где справки наводил?

– Все тебе и расскажи!.. Продолжаем. Ты тут один ходишь, видишь всех... профессиональным взглядом. И должен знать, кто спиртовые посылочки шлет. Знаешь ведь?

– Знаю, – неожиданно легко признался космический мусорщик. – И могу сказать без пыток, как старому знакомому.

– И кто же? – насторожился Зимогор, внешне оставаясь спокойным.

– Тут недавно праздник был, местный. Радение называется... В общем, бесовские пляски. – Он почему-то заговорил недовольным тоном. – Раздеваются до пояса, женщины волосы распускают и скачут по горам, хороводы водят...

– Ну и что же?..

– Ничего. Эти плясуны и подбросили. – Он уже злился и посверкивал глазами. – Я видел у них ящик. Из-под взрывчатки, верно? И спирт – «Роял».

– Верно. – Неожиданная эта перемена в нем еще больше оживила Зимогора. – Когда ты видел?

– Накануне праздника... В общем, видел! Полный ящик, а сверху еще колбаса. Закуска.

Мусорщик встал, повесил карабин на плечо и сунул руки в карманы, вдруг превратившись в маленького нахохлившегося вороненка.

– И ваши отплясывали, между прочим! – хрипло каркнул он. – Как жеребцы скакали!.. Как же, там бабы с голыми титьками! Ладно, солдатики, это я понимаю. Но лейтенант с ними!.. Прыгал так, что ногу себе сломал! Не позорил бы армию, офицер...

Зимогор приблизился к нему вплотную, упер ствол автомата в незащитный живот.

– Может, и ты приложился к «Роялу»?.. Несешь бред. Какие пляски?

– Обыкновенные!.. У меня жена до сих пор не вернулась. На гулянье ушла, и с концами... Весной было то же самое...

– Может, заблудилась в лесу? – ехидно предположил Зимогор.

– Заблудилась?.. Она заблудится, как же. – Последние слова он произнес на ходу. – Она всю Манораю, как свои пять пальцев... Найду – убью стерву!

Следом за ним шелестящим градом осыпались шишки...

2

В конце марта девяносто первого года в Москву приехал богатый немец, а вернее сказать, состоятельный старик Адольф фон Шнакенбург, невысокий, еще крепкий и румяный восьмидесятилетний человек с орлиным взором и гордо посаженной седой головой – одним словом, истинный ариец. Германии к тому времени соединились, но пока еще не смешались и существовали как вода и масло, рядом и отдельно; западных немцев еще было легко отличить от восточных, хотя в СССР уже беспрепятственно впускали и тех и других. Однако в анкете, заполненной для получения визы, еще фигурировал пункт, где сообщались сведения о принадлежности к Третьему рейху и вермахту. Обычно путешествующие старцы из ФРГ всячески стремились скрыть, что служили Гитлеру, тем более в СС, и участвовали в боевых действиях против Советского Союза, и часто по этой причине не получали права въезда. Фон Шнакенбург, напротив, выделил данные особой подробной справкой о своем боевом пути и четкостью букв – штандартенфюрер СС, командир специальной танковой группы дивизии «Мертвая голова», участвовал в захвате Киева в сорок первом, затем в боях под Москвой, ранен, после излечения воевал под Сталинградом, шел на прорыв окружения к армии Паулюса, снова ранен. Впоследствии, будучи помощником Рудольфа Гесса по вопросам будущего арийской нации, занимался исследованиями и вывозом архивов из оккупированных районов СССР.

Однако столь длинный перечень в свое время не сделал его официально объявленным военным преступником, и в девяносто первом подобные «заслуги» уже не смущали советскую сторону. Не сажал евреев в газовую камеру, не пихал трупы в печь, и ладно, остальное вроде бы не такой уж большой грех.

Прибыв в Москву по приглашению только что созданной фирмы «Открытая Россия», фон Шнакенбург, как все иностранцы, побродил по Красной площади, чуть выше поднимая ногу, чем обычно, постоял у памятника Неизвестному солдату, попутно сходил в Манеж на выставку Ильи Глазунова и на этом закончил знакомство со столицей тогда еще Советского Союза.

Все богатые, да и не только богатые, иноземные путешественники вначале ринулись под приподнятый «железный занавес», как некогда на открытый пятый континент, в мир, о котором они слышали много и хорошего, и дурного, ибо многие годы и даже поколения одни пропагандисты втолковывали им, что это империя зла, что там вечный мороз, люди едят сырое мясо либо вообще ничего не едят, что они дикие, темные и кровожадные. Другие, наоборот, восхищались советским строем, свободой от мрачного эгоистического капитала, мужеством и силой духа этих людей, открытостью и щедростью. И когда в Россию поехали те, кто раньше боялся ее или кого не впускали, выяснилось, что те и другие идеологи беспощадно ввали. Это оказалась совершенно другая страна, с непонятным самоуглубленным народом, который или хмуρο почти бесплатно работал, или пил водку и отчаянно веселился, не оставляя и гроша за душой.

Так вот тех иностранцев, которые пытались составить более или менее правдивое впечатление о русских, часто называли китайскими болванчиками. Тогда в СССР провозгласили открытость и назойливо выставляли перед иностранцами образчики соцобщества – от мучеников сталинских лагерей до нынешних зеков и просто проходимцев, умеющих правильно произносить пять слов, три из которых – задница. А гости из-за рубежей искренне стремились изучить это противоречивое и странное общество, но, боясь вызвать озлобление, задавали свои вопросы с улыбочками и заведомо согласно кивали, что бы ни говорил интервьюируемый.

Адольф фон Шнакенбург поначалу производил впечатление такого болванчика, тоже хотел что-то изучать в России, и потому фирма «Открытая Россия» направила его отработанным маршрутом – через диссидентско-уголовно-артистический мир, как сквозь строй. Быв-

ший штандартенфюрер СС терпеливо его прошел, продлил пребывание еще на месяц, добился права работать в открытых архивах Министерства обороны, нырнул туда, как в омут, после чего выплыл и вновь стал досажать служащим фирмы странными, непривычными вопросами. Он довольно сносно говорил по-русски, объясняя всем, что заниматься языком стал не на войне по долгу службы, а после поражения Третьего рейха.

– Я хотел видеть русский человек. Старый русский человек, старый русский зольдат, офицер, старый женщина, крестьянин, монах. Очень старый, лет триста, пятьсот, семьсот.

Кто его слушал, пожимали плечами и, думая, что он неправильно выражается по-русски, звали переводчика, однако фон Шнакенбург и на чистом немецком твердил, что желает видеть очень старых людей, кто живет на свете или очень долго, или не первый раз. Его уважали, поскольку он готов был щедро (это скупой-то немец?!) оплатить все такие встречи, и не мудрствуя лукаво подобрали десяток надежных стариков-фронтовиков, умеющих отвечать на самые заковыристые вопросы. Бывший эсэсовец беспрекословно и терпеливо прошел и этот круг, но остался неудовлетворенным еще больше.

– Я просил дать мне встреча со старый русский человек. Вы даль мне старый советский человек, старый коммунист, болшевик. Имею желание ехать провинция, столица Москва нет старый русский человек.

Он порядком притомил служащих «Открытой России», которые привыкли в основном либо поставлять специально подготовленных для бесед людей, либо живой товар в виде проституток и русских девушек в жены. Чего хотел этот недобитый фашист, никто понять не мог даже с квалифицированным переводчиком, однако желание съездить в провинцию всегда принималось на «ура», и его отправили в халявное турне по городам и весям. Делалось это так: директор фирмы звонил в какую-нибудь областную газету и подавал товар примерно так:

– Есть тут у нас княгиня (например, Волконская), приехала в Россию на неделю и очень хотела бы посетить вашу область. Если можно, примите высокородную соотечественницу.

Отказов не было. Клиент вываливал фирме за свой вояж хорошие деньги, а ему лишь покупали билет на поезд в один конец. Патриотичные, лишенные общения с заморскими гостями и весьма любопытные областные журналисты готовы были за свой счет возить, кормить, поить и всячески улаживать княгиню на самом высшем уровне, вплоть до специального фольклорного обеспечения пребывания почетной гостьи.

Отправлять эсэсовца таким образом было несколько опасно, на носу пятидесятилетие нападения Германии на СССР, но он так надоел, что рискнули и послали его в Костромскую область (туда, где не было оккупации, на всякий случай) как настоящего, живого штандартенфюрера СС, врага, с которым билась, истекая кровью, родная страна, но держали себе на уме: дескать, у вас там традиция Ивана Сусанина еще жива, может, заведете в какие-нибудь дебри, чтобы не мозолил глаза.

Фон Шнакенбург прибыл в Кострому, где его встретил независимый и популярный местный журналист Сергей Опарин, выслушал, сразу же понял, что немцу нужны старики – мужики, солдаты, офицеры, крестьянки, представляющие собой не порождение советской эпохи, а коренную Россию, ее ценности и психологию. Таких дедов у журналиста на примете было достаточно, не говоря уже о бабках. По образованию Опарин был филологом и девять лет занимался археографией: собирал по старообрядческим деревням, селам и заимкам старые книги, искал так называемые крестьянские библиотеки, каждая из которых могла бы украсить любую публичную в мировом масштабе. Он носил бороду – могли и на порог не пустить, если подбородок как бабья коленка, – отлично знал обычаи и традиции кержаков и, что главное, умел входить к ним, налаживать многолетние контакты, убеждать, что их рукописные и старопечатные сокровища при современной жизни, когда даже самые потаенные углы стали проходным двором, сохраннее будут в отделах редких книг и рукописей.

Своим человеком его считали не только старообрядцы, но и сельские жители, православные-никониане, давно уже смешавшиеся с кержаками и сами с трудом различающие, кто есть кто.

Так что он усадил ээсовца в свою машину, затарился спиртным, продуктами (старики жили натуральным хозяйством, в магазинах шаром покати) и повез по деревням. Первый же фронтовик, геройский разведчик и примерно ровесник иностранцу, едва услышав, что приехал штандартенфюрер СС, поиграл желваками под дряблой кожей и сказал определенно:

– Уважал я тебя, Кинстинтиныч, а таперь катись-ка с ним к такой-то матери!

И немец сказал нечто подобное:

– Это иметь красный душа, гросболшевик. Прошу показать русский характер.

– Поехали искать русский характер, – согласился тот. – Авось найдем!

Дело в том, что Опарин считался официальным диссидентом, народным заступником, когда, насмотревшись на жизнь стариков в российской глубинке, написал и нелегально издал тонкую книжку «Народ – победитель?», где суконным, без всяких претензий, языком обрисовал унижительное и нищенское существование фронтовиков и тружеников тыла в коренных русских областях, где он работал. До того Сергей Опарин и статей-то никаких не писал, если не считать редких маленьких заметок о книжных находках, и, естественно, не мыслил себя журналистом. А тут просто сердце закипело – да что же это такое? Инвалиды, орденосцы, женщины, войной пополам согнутые и так и не распрямившиеся, – все те, кого в нормальной стране возводят в ранг национальных героев, весь этот пласт населения, составляющий живую историю, которую должны бы беречь не хуже дорогой редкой книги, попросту выбросили на свалку! Да, им кое-как обеспечили прожиточный минимум, физиологическое продление жизни, но полностью лишили счастья, о котором они мечтали в окопах, выколачивая о снег вшей из шинели. Они завоевали право быть счастливыми, здоровыми и богатыми.

А они, изгой в своем отечестве, каждый день молят Бога, чтобы послал скорее смерть...

Этот самиздат оказался за рубежом, где разошелся миллионным тиражом, а его автор – в специальной колонии: за распространение измышлений, порочащих советский строй. За него хлопотали из-за рубежа, предлагали правительству заменить срок высылкой за пределы СССР и готовы были принять узника совести, однако сам осужденный упорно этому сопротивлялся. Когда Сергея Опарина арестовали, дочери исполнился год, и она уже многое понимала, таращилась удивленными или восхищенными глазами на отца, цеплялась за бороду или норовила спрятать под нее головку, будто ища защиты. После его освобождения дочь пошла уже в первый класс, стала почти взрослой, однако все равно смотрела с некоторым удивлением и страхом: пока он сидел, семья не знала нужды – приходили какие-то люди, приносили посылки, деньги; угнетала больше психологическая среда, созданная вокруг жены политзаключенного. Могли среди ночи ворваться сотрудники КГБ, сделать обыск, называемый досмотром, или установить слежку, когда по пятам ходят какие-то люди.

Оказавшись на воле, Сергей Опарин с утроенной силой взялся писать о том же, за что посадили, только расширил масштаб до всего СССР. Упрятать за решетку во второй раз его уже не могли – шел восемьдесят седьмой год. Он тогда еще не оставил археографию и ездил по Костромской и соседним областям, совершая большой круг по своим знакомым старикам и старухам, которые принимали его с большим уважением и почетом, ибо для старообрядцев всякий гонимый властью человек был чуть ли не святым мучеником.

Так что журналиста старые вояки хорошо знали, однако не все относились к нему с восторгом, ибо, не ведая другой жизни, свою считали вполне сносной и терпимой.

Второй фронтовик, к которому журналист привез фон Шнакенбурга, оказался чуть снисходительнее и стал пытаться Опарина, почему фашиста интересуется нрав коренных русских людей, однако же принял гостя, после чего пристал к нему с таким же вопросом. Журналист выставил им водки, закуски, а сам сидел и слушал, как пикируются бывшие враги, намереваясь

рассказать об этих встречах в газете. Потом незаметно уснул – все-таки две бессонные ночи давали знать о себе, а когда проснулся через три часа, застал следующую картину: подвыпившие фронтовики сидели напротив и, упершись лбами, спрашивали друг друга:

– Зачем тебе знать нашу психологию? Опять войной на нас собрались?

– Очень прошу сказать: ты верил Сталин или Бога? Коммунизм или свой часть земли, свой большой великий Россия?

– Нет, сначала ты скажи!

– Я сказать буду, когда ты будешь сказать!

Еще через час было то же самое, поэтому журналист увел эсэсовца спать в машину, опасаясь, как бы они не вспомнили молодость. На другой день с утра, уже в другой деревне, опять был инцидент: встретились фронтовики сначала вроде бы нормально, разговорились, кто где воевал, в присутствии Сергея Опарина выпили по рюмочке, и тот вышел поковыряться в моторе старенькой машины и вдруг увидел, как одноногий ветеран с пешней наперевес пошел в атаку на штандартенфюрера. И заporол бы, не подломись у него протез. Однако у немца стремление к разговорам вовсе не угасло, а, напротив, еще больше возросло.

– Карош зольдат! Гут! Оччень русский характер, – определил эсэсовец. – Хочу видеть нормальный человек, нормальный душа и нрав.

Со следующим дедком, побывавшим в плену у немцев, беседа вообще удалась, и расстались хорошо. Потом журналист привез фон Шнакенбурга к орденоносцу, снайперу, который эсэсовцу даже обрадовался.

– Екарный бабай! Хоть раз на живого и близко посмотреть! А то я же видел вас только в прицел, живых-то! Ну что, хорошо мы вам харю начистили в сорок пятом? Гут?

– Хорошо, хорошо! – обрадовался тот. – Гут!

На три дня немец задержался у снайпера, о чем только ни говорили, но почти ничего о войне. Штандартенфюрер поднаторел в языке, нахватался оборотов, пословиц, матюгов и буквально на глазах расцветал, ширился душой и, уже не жадничая, доставал из своей сумки колбасы, ветчины, шпиг и бутылки с пивом и шнапсом, подделанные под времена войны.

И отсюда он пошел по рукам в буквальном смысле: немца, уже как редкого гостя изда- лека, передавали из дома в дом, из деревни в деревню. Ко всему прочему, он еще оказался общительным и загульным, так что Опарин едва поспевал за ним, всякий раз отыскивая в новом месте. Кажется, начиналось братание с бывшим врагом, потому что бесхитростные, не отягощенные идеологическим грузом, люди воспринимали штандартенфюрера уже как старого, подобного себе человека, а что было, так вроде бы и былем поросло...

Наблюдать за похождениями бывшего фашиста было невероятно интересно, однако журналист преследовал еще и свои цели – разговорить его, вытянуть из самого то, что он постоянно вытягивал вопросами из фронтовиков. Немец менялся на глазах, одухотворялся и одновременно будто молодел, ибо уже стал распевать песенки штурмовиков и веселые, скабрзные бюргерские, и журналисту было совершенно не понятно, отчего так оживает старый фашист. То ли видит, в какой нищете живет народ-победитель, и оттого радуется, то ли получает какую-то скрытую от посторонних глаз информацию, которая его и веселит.

И вот на обратном пути фон Шнакенбург наконец-то разговорился и поведал о цели поездки в СССР и о своих результатах вояжа. Оказывается, после поражения Германии он настолько сильно переживал, что поставил своей целью найти истинную причину победы русских, на что и потратил всю свою жизнь. Казалось, все было на стороне немцев – обученные войска, техника, вооружение, блистательные победы до сорок третьего года, но тут произошел довольно резкий перелом, неверно толкуемый советскими и немецкими военными историками.

По убеждениям штандартенфюрера, русские уже не должны были и не могли победить, независимо от того, есть ли у них за спиной заградотряды, в решающем значении которых

пытались убедить обывателя западная пропаганда и внутрироссийские диссиденты. Как военный человек, он отлично знал, что солдата невозможно гнать в атаку на пулеметы под пулеметом же; любая армия с любой идеологией в таком положении просто отказывается воевать и разбегается. Тем более заставить русского человека победить, если он того не желает, вообще невозможно.

Фон Шнакенбург был сам свидетелем, как под Киевом взяли в плен полтора миллиона солдат Красной Армии вместе с исправной техникой, вооружением и продовольствием. Как потом через пять месяцев германские войска подошли к Москве, и только морозы не позволили начать ее штурм. А блестящее летнее наступление сорок второго по южному направлению – это вообще одна из лучших операций Третьего рейха. Красная Армия слабо держала удар либо не держала его вообще, бросая отлично укрепленные районы, выгодные позиции и не пользуясь ни одним просчетом немецкого командования, когда отдельные части, соединения и даже армии уходили далеко вперед и отрывались от своих или вообще оставляли фронт открытым для контрудара. Но вот с началом сорок третьего все резко изменилось, и бывший штандартенфюрер СС ценою кропотливой полувековой работы нашел истинную причину перелома в войне и последующей победы.

По его разумению, она состояла из двух главных аспектов: силы духа воинов (воля к победе) и особой, кастовой посвященности военачальников. И дело было никак не в силе идей, идеологии и заградотрядов. Что касается духа воинства – он благодаря этой поездке только что нашел ему подтверждение и понял, что многолетний труд и муки не напрасны, а потому он весел и может позволить себе немного погулять.

Поначалу немец выглядел молодцом и бодренько излагал свою версию причины победы русских, которая Сергеем Опариним воспринималась без особого интереса. Штандартенфюрер уверял, что до сорок третьего года Красная Армия состояла в основном из молодых, до тридцати лет, солдат, выросших на почве марксистско-ленинской идеологии и глубоко идеологизированных. Это она не держала удара, это она бежала и массово сдавалась в плен вместе с красными генералами, ибо умозрительная идея, как и пулемет за спиной в руках энкаведэшника, может только раз бросить солдата в отчаянную атаку, а противостоять сильному противнику способны лишь глубинные, материковые, неизменные ценности, будто пуповиной связанные с душой каждого человека. К концу сорок второго молодняк выбили и искалечили, армия стала пополняться людьми более старшего возраста, в бой пошла коренная Россия, под давлением идеологии не утратившая этой связи и даже оживившая ее, поскольку враг уже посягал на столицу. К началу сорок третьего личный состав армии более чем наполовину уже состоял из носителей материковой национальной психологии и мироощущения.

В этом состоял истинный перелом в войне! Грань сего явления совершенно четко отбивается по моменту, когда вдруг вместо революционных петлиц вводятся «белогвардейские» погоны, когда начинают прославлять в фильмах князей и царей, когда богоборческая власть открывает церкви, а над осажденным Ленинградом летает самолет с иконой Владимирской Божьей Матери, замыкая город в охранительный круг.

Русские начали не только держать удар, но побеждать еще задолго до Курской дуги.

Изложенные немцем мысли не то что уже нравились свободному, независимому журналисту; он быстро сообразил, что это новый взгляд на историю Отечественной войны и Победы, поскольку официальный взгляд, насквозь пропитанный коммунистической идеологией, практически отрицал все национальное. Теперь он старался не пропустить ни слова и все запомнить (записать нельзя, руки заняты баранкой), однако фон Шнакенбург скоро перешел к объяснению второго аспекта причины победы России, который заключался в особом состоянии разума и духа трех главных военачальников – Жукова, Рокоссовского и Конева. Сам Сталин не получил подобного благословения, а эта тройца легендарных полководцев на исходе сорок

второго, а именно с девятнадцатого по двадцать четвертое декабря, вступая в крайнее противоречие с большевистской идеологией, получает сакральную воинскую силу.

Опарину показалось тогда, что немец подзагнул, поскольку был сильно увлечен первым аспектом причины победы и негодовал про себя: а ведь догадки эти уже бродили в сознании, мог бы и сам дойти, в чем суть решительного перелома в войне с начала сорок третьего. Теперь вот немец подтолкнул мысль в нужную сторону, и все остальное, касаемое военачальников и особенно каких-то сакральных штучек, он слушал отвлеченно, полагая, что старый эсэсовец выжил из ума и несет полный бред. Следовало на ходу сочинить большой газетный материал к юбилею начала войны. И все-таки в памяти остались какие-то обрывки высказанного фон Шнакенбургом. Отчетливо помнил лишь несколько эпизодов: штандартенфюрер после ранения под Сталинградом получил должность помощника Рудольфа Гесса (журналист никак не мог толком вспомнить, чем же занимался в рейхе этот человек и что потом было с ним), а именно, возглавил стратегическую группу «Абендвайс». Немец так часто повторял это слово, что вколотил его в голову непроизвольно, однако ничего больше не запомнилось относительно этой группы. Зато в памяти отложилось, что секретный архив Гесса, за которым много лет гонялись разведки СССР, США и Англии (там были вроде бы какие-то разоблачающие антигитлеровский союз документы), все время находился у Шнакенбурга в Колумбии. Еще осталось в сознании, что Жуков, Рокоссовский и Конев в декабре сорок второго тайно выехали со своих фронтов будто бы по вызову Ставки, однако в Москву не прибыли и отсутствовали где-то в течение пяти суток, чем невероятно разгневали Сталина. Будто бы он провел секретное совещание, на котором присутствовали Берия, Каганович и еще кто-то, где решали вопрос об аресте этих военачальников. Однако впоследствии каждый из них был вызван в Ставку, опрошен лично вождем и отпущен.

И будто бы Жуков тогда сообщил Сталину – за полгода до события! – что решающая битва состоится в июле – августе будущего года под Курском.

Однако избирательная журналистская память схватывала лишь то, что ложилось в заранее выстроенную концепцию будущего материала; остальное проходило фоном, как легкая музыка. К тому же машина у Сергея Опарина хандрела, и он опасался, что не довезет штандартенфюрера, а так не хотелось ударить в грязь лицом перед недобитым фашистом.

Все это немец рассказывал по дороге в Кострому, в одиночку попивая шнапс, и так надрался, что журналисту пришлось буквально на руках втаскивать его в вагон и сдавать проводнице. Фон Шнакенбург пел песни юных штурмовиков, орал «Хайль Гитлер!», при этом как белым флагом размахивал марками и потому был принят и обихожен.

И хорошо, что так получилось! У журналиста оказались свидетели – возмущенные поведением иностранца люди, видевшие, как он тащил к поезду седого старика, кричащего по-немецки «Дранг нах Остен!». Потом и проводницу отыскали, которая подтвердила, что иностранец действительно сел в Костроме, и, несмотря на то что старый человек, нарядился в черную фашистскую форму, «как у Штирлица», и целый перегон до Бурмакина смешил богатую публику мягкого супервагона. Его даже жалко стало, ибо немец напоминал клоуна, а хорошо выпившие и сытые пассажиры подыгрывали ему, кричали «Хайль!» и называли старика «мой фюрер».

Билет у него был куплен до Москвы, но он протрезвел, переделся в приличную одежду и, сильно извиняясь, сошел на станции Берендеево.

Никто этого немца больше не видел...

* * *

А искать его начали спустя месяц. Сначала фирма «Открытая Россия», что принимала любознательных иностранцев – немец этот у них «завис», то есть въехал в страну и не выехал,

и миграционная служба начала трясти и требовать Адольфа фон Шнакенбурга живого или мертвого.

Потом, наконец, его хватились в Германии, однако не родственники, поскольку таковых не оказалось, а некий клуб «Абендвайс», где он был президентом. И лишь тогда всерьез занялись розыском бывшего штандартенфюрера СС и, вероятно, вчитались в смысл описанного в анкете его боевого пути. И стали трепать независимого журналиста, в течение десяти дней бывшего с немцем в близком контакте.

Кагэбэшников мало интересовало, где может находиться сейчас этот немец, каковы были его дальнейшие планы; их больше привлекала фигура самого Сергея Опарина, бывшего диссидента, и потому, подозревая что-то, они одолевали вопросами исторического характера, связанными с Рудольфом Гессом, его секретным архивом, с группой «Абендвайс» и обстоятельствами, при которых легендарные маршалы исчезали куда-то на пять дней в декабре сорок второго. Как раз спрашивали о том, что проскочило мимо ушей, и тогда с его согласия попытались допросить в состоянии гипноза, однако сколько ни бились, сколько ни шептали над ним заклинания и ни махали руками, уложить спать независимого журналиста оказалось невозможно.

А потом был путч, развал СССР, и об Адольфе фон Шнакенбурге попросту забыли, как тогда забывали о многих вещах, представляющих государственный интерес. Этот немец так и остался «зависшим» в одном ряду с вьетнамцами и африканцами, которые не хотели возвращаться в свои страны. От Сергея Опарина отстали, но уже завели, закрутили до отказа пружину механизма журналистского азарта, и после нескольких материалов, опубликованных в центральной прессе, известный диссидент, но все-таки провинциальный газетчик, привлек к себе внимание столичных коллег.

В Москве издавались уже десятки независимых газет и всем требовались разоблачительные острокритические статьи: страну приводили к покаянию, начиналось время развенчания кумиров, сотворенных коммунистической системой, открытия самых закрытых архивов, государственных тайн и корзин для грязного белья, так что Сергей Опарин попал в струю со своим новым взглядом на причины победы в Великой Отечественной и загадкой вокруг легендарных маршалов.

Вытащил его в столицу главный редактор «Новой России» Витковский, профессиональный журналист, тоже лишь чудом уберегшийся от политической тюрьмы за чтение и распространение Солженицына. Он готов был взять Опарина в штат, ввести в редколлегию, но у провинциала, имеющего хитроватый крестьянский корень, сработало чувство самосохранения воли. Он понял, что сразу же будет привязан к одной газете и в конечном счете, хочет или нет, станет полностью управляемым. Потому соглашался лишь на временные договоры и, оставаясь независимым, сотрудничал сразу с несколькими изданиями и получал новые приглашения.

В девяносто втором ему как узнику советского режима выделили из фонда хорошую сумму денег, на что он купил квартиру и перебрался из общежития в престижный район Москвы. Его уже стали считать специалистом по архивным открытиям и скандальным публикациям предвоенного и военного периодов истории СССР, часто приглашали на телевидение, где тоже присматривались к хваткому журналисту.

Для Витковского он продолжал делать материалы, однако с ним было хорошо выпить, поговорить за жизнь, погулять на чьей-нибудь даче, – одним словом, оставаться в приятелях и не сблизиться. Сергей чувствовал, как главный редактор все еще силится набросить на него ошейник и привязать у своей будки.

Однажды на тусовке в Домжуре Витковский подсел к нему и предложил уже без всяких намеков:

– Серега, тебе надо продать перо. Стань человеком команды и будешь получать деньги, а не эти гроши.

На «гроши» Опарин безбедно жил, отсылал часть в Кострому дочери и подумывал уже строить дачу.

– Не хочу ложиться под кого-то. И под тебя тоже, – с такой же откровенностью ответил он.

– У меня газета независимая.

– Независимых газет не бывает.

– Хитрый ты мужичок, – заключил Витковский. – Сопишь в бороду, пишешь одно, думаешь другое, делаешь третье... У нас так не принято, коллега.

– Знаешь, я долго работал и жил среди старообрядцев, – признался он. – Есть у них толк под названием «Странники», а по-простому – неписахи. Властей не признают, документы не получают, не прописываются. Самые вольные люди, каких только встречал! Вот на меня среда и повлияла, я кержак из толка неписах. Из своей посуды никому не дам напиток.

– Ну, смотри, – засмеялся главный редактор, – дадут ли тебе попить, когда жажда будет...

Этот разговор почти забылся, все оставалось как прежде, и Сергей Опарин, как-то раз появившись у Витковского, начал ворчать с порога, что нищие запрудили улицы, в метро уже ездить невозможно, поскольку стыдно убогим и калекам в глаза смотреть.

– А ты не ездил в метро, – бросил тот, – да тебе вроде бы и не по чину спускаться в подземку. Неужели до сих пор не купил машину?

– Плохую не хочу, на хорошую не хватает пока, – пробурчал он.

Главный редактор протянул ему бланк контракта и показал ключи от «БМВ».

– Подписывай и катайся. Нет вопросов.

Соблазн был настолько велик, что он едва удержался, и все-таки, уходя, обещал подумать и назавтра позвонить, хотя решение почти созрело. И спасло то, что снова спустился в метро и пошел по переходу, будто сквозь строй протянутых рук и старческих изможденных лиц. Он знал, что нищенство – это сейчас прибыльный бизнес. И каждый просящий за день собирает значительную сумму. Но знал и то, что убогим ничего не достается, ибо у всех побирушек есть хозяин.

С тех пор он не приходил к Витковскому, хватало других изданий, но жизнь текла так быстро, и так стремительно изменялись вкусы и конъюнктура, что документальных находок становилось мало, чтобы удовлетворять потребности редакторов. Они стали напоминать наркоманов, которым нужна была все большая доза сильнодействующего наркотика, чтобы держать на плаву свои издания. Материалы еще брали – надо же чем-то заполнять газетные полосы, но однажды на журналистской тусовке ему сказали в открытую:

– Да хватит тебе ковыряться в следствиях и причинах! Гармошка Жукова и фронтовые жены Василевского всем уже надоели. Не было в этой войне ни стратегии, ни полководцев. Мясом немцев завалили, в собственной крови утопили! И вообще эта страна – полное дерьмо и народ – вечный раб, ни к чему не способный!

Сергей Опарин уже хорошо знал, во что и как рядился фашизм в Германии, чтобы прийти к власти, и после расстрела и сожжения собственного парламента в девяносто третьем, произведенных под бурные аплодисменты «свободной» прессы, он уже не сомневался, что в России теперь прочно утвердился фашистский режим, отличающийся от гитлеровского только тем, что осуществлял геноцид не против отдельных национальностей, а против собственного народа.

Естественно, на эту тему никто его статей печатать уже не хотел. Мало того, Опарина самого назвали красно-коричневым, и Витковский первым бросил в него камнем, как кидают в отступника, таким образом во второй раз сделав из него диссидента.

А он по привычке все еще сидел в архивах, где его уже хорошо знали и как своему человеку иногда показывали то, что, по всей вероятности, не будут показывать еще полста лет. Люди там работали ответственные, осторожные до боязливости, однако фанатичные, как старообрядцы, готовые к саможжению ради бумажки. И когда по спецхранам пошли бригады уполномоченных (архивариусы называли их «бумажными жучками»), отбирая и торопливо

пихая некоторые документы в машинки для резки бумаг, это для них было трагедией. Невзрачные с виду, какие-то безликие, в серых халатах, робкие архивные тетушки, не сговариваясь, на свой страх и риск стали делать копии всего, что подлежало или могло подлежать уничтожению. А они уже прекрасно разбирались в этом, поскольку переживали не первую реформу и перестройку, если считать со сталинских времен, и знали, что и кому может помешать. Между прочим, относились к происходящему философски, вздыхая, что подделка истории, приспособление ее под себя, имеет глубочайшие корни (практически все летописи переписывались, как только к рулю становился реформатор или человек, таковым себя считающий), и потому это явление можно без сомнений отнести к общечеловеческим ценностям, о которых сейчас так много говорят.

Иногда логика «бумажных жучков» была необъяснимой либо цель отстояла так далеко, что невозможно понять, зачем, например, уничтожать некоторые агентурные дела и оперативные разработки времен Отечественной войны? Кого и от чего спасали – гостайны от гласности и ушей или уши от некоторых неудобных тайн?

Как бы там ни было, но благодаря этому в руках Сергея Опарина оказались данные о деятельности группы «Абендвайс», которой интересовалась наша разведка начиная с сорок второго года. (Все архивные материалы в конце девяносто четвертого почему-то приговорили к сожжению!) А там были не просто знакомые, а можно сказать, близкие лица – фон Шнакенбург! – человек, который в определенной степени повлиял на судьбу журналиста.

Судя по документам, хозяйство штандартенфюрер принял уже готовое, действующее и настолько засекреченное, что наша разведка вышла на эту группу лишь на седьмой год ее существования. Все произошло случайно: летом сорок второго бдительные охотники заметили в горах чужого человека, который жил скрытно, каждый день ходил с карабином и что-то собирал. Никаких военных объектов поблизости не было, поэтому они решили, что это дезертир, и сообщили куда следует. Милиция вместе с охотниками выловила подозрительного субъекта и обнаружила при нем увесистый тюк с камешками и щепотками земли, аккуратно упакованными в крохотные пронумерованные мешочки. Человек представился геологом, показал все документы, и так бы его и отпустили, если бы наблюдательный охотничий глаз не разглядел, что патроны к карабину слишком новенькие, в карманах не затасканные, кирзачи новые и телогрейка с иголки, двух недель не ношенная, а по бумагам – работает третий месяц. Решили все-таки отвести и сдать в НКВД, а по дороге устроили ему провокацию, будто бы «проспали», и этот субъект воспользовался, рванул от конвоя, чем окончательно выдал себя.

Пойманным «геологом» сильно заинтересовалась Москва, и его на месте взяли в такой оборот, что через день признался, что работает на японскую разведку и получил задание отобрать образцы пород и грунта в районе, где был задержан. Потом удалось захватить связника, который пришел, чтобы забрать тюк с образцами, и уже через него узнали место – квадрат 9119, куда должен приземлиться самолет японских ВВС и забрать скопленный за два месяца груз. На базе в том же квадрате обнаружили и задержали резидента, который оказался немцем, хотя и утверждал, что работает на японцев.

Вероятно, после соответствующих разъяснений он согласился на сотрудничество с нашими и в определенное время запросил самолет, который и приземлился в условленном месте. Резидент обязан был передать тюки с образцами, которые, естественно, подменили, однако в самолете что-то заподозрили, и он, едва закончив посадочный пробег по гравийной береговой полосе, резко пошел на взлет, вследствие чего пришлось применить пулеметы. Самолет подбили на взлетной скорости, поэтому он докатился до лиственничного леса, опрокинулся и загорелся (на борту был большой запас топлива). Тушить водой оказалось бесполезно, но из кабины выползли два факела – пилот и один пассажир, штурман и второй пассажир сгорели. Японский летчик вскоре скончался от ожогов, а вот немец-пассажир отделался довольно легко – обгорело лицо, голова и руки.

Поиграть с разведчиками советских недр не удалось, однако в «Абендвайсе» это был первый серьезный провал, который и обнаружил группу и после которого израненный штандартенфюрер фон Шнакенбург ее возглавил. Из тех архивных материалов, которые дожили до девяносто четвертого и, судя по логическим «дырам», претерпели не один набег «бумажных жучков», невозможно было понять, чем конкретно занимался и что искал «Абендвайс». Мало того, даже приблизительно не указывалось конкретное место, интересующее немцев, ни с нашей стороны, ни с их, и в оперативных бумагах НКВД таинственная территория назвалась квадратом 1441.

Можно было лишь догадываться: коль скоро фигурируют горы и лиственничный лес, значит, дело происходило не в степи, а скорее где-то в северной полосе СССР. И если в этом квадрате действуют японцы и их авиация, значит, находится он за Уралом, в Сибири или на Дальнем Востоке. А коль скоро «Абендвайс» существовал непосредственно под личной опекой Рудольфа Гесса, значит, квадрат 1441 представлял для рейха особо важный национальный и идеологический интерес.

Но что может быть общего у европейской Германии с Востоком, кроме союзнических отношений с Японией? Если какие-нибудь магические, оккультные дела, чем весьма определено увлекались идеологи фашизма, то Гесс направился бы в Индию, в Гималаи и на Тибет, где уже побывали их люди и откуда взяли для своего движения практически всю символику, от свастики до приветствия вытянутой вперед рукой. И уж никак бы не собирали камешки и не брали бы пробы грунта. А они это делали, причем с потрясающей настойчивостью.

После инцидента с японским самолетом квадрат 1441 наши взяли под полный негласный и усиленный контроль, что само по себе уже странно. Нет ни военных объектов, ни воинских частей, как указывается в архивных документах (кстати, а на Дальнем Востоке они есть!) – только горы, упоминается лес, и никаких деревень. Однако немцы упорно пытаются проникнуть туда и проникают: спустя всего три месяца после провала в этом квадрате появляются два «геолога» очень широкого профиля, которые с величайшей осторожностью опять отбирают образцы пород, грунта, пробы воды, травы, древесины и даже воздуха, отлавливают насекомых, наконец, отстреливают оленя и консервируют для анализов его кровь, мягкие ткани, костный мозг, печень и селезенку.

И перед тем как уйти на запасную базу, расположенную уже в квадрате 7117, проделывают то же самое с человеком, для чего похищают с охотничьей заимки женщину...

На сей раз этих естествоиспытателей не трогают и отпускают с трофеями, вероятно, решив посмотреть, что же будет дальше. Однако «бумажные жучки» приложили свою руку – в материалах отсутствовал значительный период и по времени, и по событиям, потому что следующим документом оказался краткий отчет начальника специальной секретной экспедиции Щурова, сообщающего в Центр, что благополучно прибыли в квадрат 1441 и сейчас занимаются устройством запасных баз, рекогносцировочными маршрутами и мероприятиями по безопасности и что уже готовы принять караван с лабораторией и химреактивами. Видимо, пример немцев оказался заразительным, и наши сами решили попытаться, что же в этом квадрате такого особенного. Или уже знали, зачем шли...

Но и немцы не отставали. По личному распоряжению Гесса Адольф фон Шнакенбург в срочном порядке формирует свою экспедицию и начинает ее заброску тремя способами и тремя группами – хоть одна, но пройдет! Первая – морским путем, вторая – сухопутным через Дальний Восток и третья – воздушным, с помощью той же японской авиации. Группу охраны и обеспечения он планирует сбросить с парашютами в пустынной горной местности, на пятьдесят километров севернее интересующего квадрата, для чего японская сторона обязана подготовить транспортно-десантный самолет с прикрытием двух истребителей. Короче, рвется в этот заповедный квадрат по земле, воде и воздуху! Причем уже с войсковой десантной поддержкой!

Далее в материалах шли сообщения нашей агентуры о прохождении групп разведчиков противника через контрольные точки. По всей видимости, готовилась широкомасштабная операция по блокированию и захвату всей немецкой экспедиции, как только она соберется в одном месте, для чего в район квадрата 1441 перебрасывались специальные подразделения войск НКВД.

И опять никакой географической привязки, хотя круг поиска заметно сузился: логически отпадал Дальний Восток, напичканный нашими войсками, и, напротив, более реально выступала центральная часть Сибири, скорее всего ее север, если одна группа пойдет морским путем.

То ли «бумажные жучки» тут сильно перестарались, то ли в суеде или по каким-то иным соображениям документы не попали в этот архив, а были приобщены к другому, но из имеющихся материалов понять было невозможно, что же произошло. Все последующие бумаги датировались начиная с ноября сорок четвертого, и выпадал пласт времени охватом до года. Ясно было одно, что наша экспедиция под началом некоего Щурова бесследно вдруг исчезла и теперь велись ее розыски с помощью войск и авиации.

Но более ошеломляющим было то, что ни одна из трех групп немцев, пробирающихся в квадрат 1441, не попала в расставленную им ловушку, она также будто растворилась где-то, достигнув цели, причем вместе с группой прикрытия, и их тоже лихорадочно разыскивали наши отряды НКВД и самолеты. Складывалось впечатление, что эти две экспедиции, как две волны огня, сшиблись где-то на неведомых просторах России и погасли, оставив лишь пепел, который потом разнесло ветром.

Поиск длился до сорок шестого года, однако ничем не увенчался, если не считать, что наш отряд НКВД, занимающийся поиском, отыскал в квадрате 3113 и полностью уничтожил секретную базу немецкой разведки, захватив важные документы, проливающие свет на деятельность «Абендвайса».

Только вот забыли или не захотели положить их на хранение в архивную папку, которую держал в руках Сергей Опарин.

Вся эта история заканчивалась немногословным актом экспертизы, выполненным доктором геолого-минералогических наук, профессором Комлевым, который писал, что представленная ему геологическая структура условного квадрата 1441 имеет скорее всего вулканическое происхождение. Однако для более полного и точного определения данных геологических материалов недостаточно и требуется дополнительное изучение и исследования, поскольку не исключено, что прогиб земной коры произошел не вследствие ее опускания, а из-за бомбардировки крупным метеоритом. И тогда эту котловину можно отнести к малоизученному явлению, называемому астроблема... Это последнее слово будто очаровало журналиста...

3

Институт Насадный смог закончить лишь к концу пятидесятых, когда его вычеркнули из списков врагов народа, так что несколько лет ему пришлось работать таксатором в геологоразведочных партиях. Но уже тогда он начал заниматься астроблемами, обозначенными на земном шаре, а вести поиск новых звездных ран, скрытых зачастую под толщами осадочных пород или срытых, исковерканных ледниками, оказалось невозможно в пору расцвета практической геологии даже в академическом институте. Они были не нужны народному хозяйству и представляли сугубо научный интерес, поэтому Святослав Людвигович официально занимался темой строения земной коры, организовав в своем НИИ сектор по геологическому дешифрированию только что появившейся аэрокосмической фотосъемки. А параллельно, по собственной инициативе и чуть ли не тайно от руководства отыскивал геологические структуры, напоминавшие звездные раны.

И вот однажды его взгляд упал на Таймырский полуостров и зацепился за Анабарский гранитный щит, точнее, за огромную, странного происхождения впадину, разрезанную рекой Балганкой. Выдвигать смелые гипотезы было тогда уделом крупных ученых, поэтому голоса Святослава Людвиговича никто не услышал, а подготовленную статью никто не отважился напечатать без дополнительных двух-трех фамилий геологических столпов. Пережитые блокада и голод создали особый тип характера, где высочайшее человеко- и жизнелюбие нормально соседствовали с крайней степенью жадности: если достался тебе кусочек хлеба, поделиться им можно только с матерью или кровно близкими людьми, но никак не с чужими. А на каравай Насадного (впадина была совершенно круглой и напоминала отпечаток упавшей с неба ковриги хлеба) некоторые столпы разинули рот и готовы были проглотить его, не жуя.

Тогда Святослав Людвигович забрал статью и засекретил все, что было связано с Балганской впадиной, – благо, что сектор работал в режиме строжайшей государственной тайны, допуск к которой имели единицы. А летом, взяв отпуск, он в одиночку поехал на Таймыр, не имея пропуска в погранзону, обошел все посты и добрался до реки Балганки. Даже чтобы пройти впадину насквозь, потребовалось две недели: внутренний диаметр отпечатавшегося в земной коре каравая достигал семидесяти километров, но был еще и внешний, стокилометровый круг, очерченный цепью гор, растертых и обработанных ледником. На дне котловины – труднопроходимая летом тундра, на ее бортах – развалы голубоватых от лишайника глыб и камней, которые в дождливую погоду становятся кусками мыла. А из космоса все выглядело чистенько и красиво.

К тому же весь отпуск шел дождь – нормальное таймырское лето...

На обратном пути его арестовали пограничники в норильском аэропорту за незаконное вторжение в зону, причем взяли как шпиона, поскольку с собой у нарушителя оказался рюкзак с образцами пород и десятками отснятых фотоаппаратом «ФЭД» пленок. Препроводили в Красноярск, где посадили за решетку и возбудили дело. Институт мог бы походатайствовать и прекратить его в самом зародыше, а Насадного вернуть домой, но обиженные на него столпы науки хлопотать за него не спешили, и пришлось два месяца сидеть на нарах, пока шло разбирательство. Святослава Людвиговича наконец оштрафовали и отпустили, и даже вернули вещи – рюкзак с образцами и проявленные в кагэбэшных лабораториях пленки. Самодеятельность и строптивость кандидату наук обошлись дорого: во главе сектора сидел уже другой человек, а ему предложили место младшего научного сотрудника, по сути – лаборанта. Да еще строго настроили, что Балганская впадина – вулкан и ничто иное, имеет земное происхождение и нечего отвлекаться на космические глупости.

Святослав Людвигович хотел доказать обратное: Таймырская котловина имеет космическое происхождение, то есть это метеоритный кратер, подобный лунному, и называется одним

словом – астроблема, доселе науке неведомая. Анализ привезенных образцов, сделанный в лаборатории тайно от руководства, вначале обескуражил и поверг в уныние. Оказалось, Насадный притащил с Таймыра обыкновенные, ничем не примечательные брекчевидные лавовые и туфовые породы, характерные для области вулканической деятельности. А материнскими, подстилающими породами оказались гнейсы архейского возраста.

Гнейс означало – гнилой...

Консультации с опытными вулканологами и их заключение разочаровали еще больше. Насадный не признавался им, откуда привез образцы, чтобы не быть смешным...

Короче говоря, лет эдак миллионов полста назад из жерла вулкана вырвался фонтан магмы, пепла, газа и все это разлилось, разлетелось по округе в сотню километров, перемешалось и застыло. И так стояло, пока не началось оледенение, после чего от лунного ландшафта осталась цепочка холмов, расставленных по кругу. Не ясно только, почему на месте извержения возник не конус, как обычно, а впадина. Возможно, произошло опускание участка земной поверхности, а возможно, на этом месте уже была глубокая котловина, почему и произошел прорыв расплава... Святослав Людвигович долго ходил понурый, пока не получил химических анализов, которые пришлось делать на стороне и за деньги через одного знакомого лаборанта. Тот внезапно обнадежил интересным результатом: химсостав гнейсов и застывшей магмы практически одинаков, разве что последняя претерпела температурное воздействие. То есть будто кто-то переплавил эти гнилые породы и вылил в котловину.

Это значит, нет вулканической магмы и нет жерла вулкана!

И еще заметил, что в лавах и туфах очень высокое содержание углерода, которого мало в подстилающих гнейсах: вероятно, произошли некоторые термохимические процессы...

Всю зиму Насадный рисовал апокалипсические картины космической катастрофы, благо в институте неплохо научили работать с акварелью – раскрашивать геологические карты. И выглядели они примерно одинаково: огромный, до семидесяти километров в диаметре, метеорит или болид приблизился к земле, вошел в ее атмосферу, и спрессованный воздух разогрелся выше трех тысяч градусов, и гнейсы, по сути, растаяли под ним, как тает снег от горячего потока. А от высочайшего давления произошел выплеск расплава, отчего образовалась впадина, обрамленная горами. Сам метеорит сгорел в этом огне и обратился либо в пепел и газообразные вещества, либо в столб пара, если был просто блуждающим по Вселенной куском льда.

И осталась на земле звездная рана...

Акварель не позволяла выразить динамику явления – он перешел на масло, и к весне его комната в коммуналке на Кронверкской превратилась в выставочный зал живописи, а сам кандидат наук – в одержимого, с блистающим взглядом, полухудожника, полуфантаста. В институте его стали считать не то что больным, а как бы не очень здоровым человеком, повредившимся на космических катастрофах. Он же больше всего боялся быть смешным, даже когда в блокадном Ленинграде умирал с голоду, сидя возле ног часового у хлебного ларька, лениво жующего горбушку. Можно бы попросить, но от дистрофии он выглядел как лягушачий головастик – лоб шире плеч, и голова уже не держится на шее, все время падает то влево, то вправо, словно поплавок на волнах. Часовой смотрел, жевал и ухмылялся...

В начале лета он пригласил к себе домой бывшего подчиненного по сектору дешифрирования аспиранта Рожина и показал картины. Часа полтора ошалевший аспирант рассматривал полотна и схемы, после чего сам стал одержимым, будто эта нарисованная космическая катастрофа была инфекционным заболеванием. Таким способом обретя себе единомышленника, Святослав Людвигович выправил разрешения на въезд в погранзону и, получив отпуск, снова двинул на Таймыр, теперь уже не один. И сделали за месяц в два раза больше, образцов привезли четыре рюкзака и открыли Пестрые скалы – двухсотметровой высоты обнажение брекчиевидной толщи на реке Балганке, где отвесная стена была словно раскрашена всеми

цветами радуги и напоминала расцветку таджикских тканей. Насадный был почти уверен, что отыщет среди этой пестроты остатки метеоритного вещества или даже обломки его, но знакомый лаборант из химлаборатории на сей раз сильно разочаровал: ничего космического в исследованных образцах не нашел. Кроме той пыли, которая летела из Вселенной и оседала на землю естественным образом. Аспирант Рожин слегка подостыл и стал даже редко появляться у Насадного, а тот тем временем с помощью молотка и набора зубил крошил и дробил привезенные куски крепчайших пород, выбирая из каменного праха отдельные разноцветные, а больше темно-серые, невзрачные песчинки. А когда надоело, у того же лаборанта купил бутылку тяжелой воды и принялся высаживать их более современным способом.

Когда этих песчинок набралась хорошая щепоть, Насадный позвал Рожина, показал ему плоды трудов своих, а также результат собственных минералогических анализов и сказал:

– Садись, Миша, и пиши кандидатскую.

У аспиранта затряслись руки и голос.

– А ты?.. А вы?

– А я поехал в Совет Министров выколачивать деньги на экспедицию, – ответил он, пряча в карман мешочек с алмазами.

Впоследствии Рожин защитил сразу докторскую диссертацию, а сам Насадный был произведен в членкоры Академии наук и через год – в академики.

Алмазы были настолько привычны для его сознания, что давно не вызывали каких-то особых чувств. Но и загадочная солонка, оставленная Зимогором, хоть и будоражила воображение, однако при этом не захватывала его так, как некогда алмазы метеоритного происхождения. В голове сидела горькая, болезненная мысль о проданном городе, и Насадный понимал, что никогда не сможет отторгнуть ее; к ней следовало привыкнуть, как родители привыкают к преждевременной и ошеломляющей смерти своего дитяти. Привыкнуть и жить дальше с этой горечью до последнего часа.

Зимогор оставил ему пустую солонку, и вот теперь, рассматривая ее и продельвая нехитрые опыты с электроникой, академик лишь пожимал плечами, не зная, как относиться к столь необычному предмету и более всего к утверждению, что там была некая соль, добытая из недр Манорайской впадины, которая якобы и является родиной человечества.

Он и в самом деле всю жизнь искал эту родину, когда-то давно выдвинув теорию о ее космическом происхождении. Точнее, это даже трудно было назвать поиском; скорее, он хотел найти воплощение своей детской мечты, искал на земле место, где, будучи вывезенным из блокадного Ленинграда, прожил два года, которые потом решили всю его судьбу.

О Манорайской котловине академик знал с шестьдесят девятого года и знал, что это метеоритный кратер, причем изученный еще в тридцатых и, судя по материалам исследований, ничем особым не выдающийся. Подобных геологических структур было на земле десятки, и куда интереснее выглядела тогда Балганская астроблема – «белое пятно» на карте! И вот сейчас, держа в руках пустую солонку, Насадный неожиданно вспомнил, что таймырский кратер ему открылся именно в тот момент, когда он изучал данные по Манорае. Открылся и сразу же захватил все внимание. С тех пор он никогда уже не возвращался к другим звездным ранам и об Алтае, пожалуй, вряд ли вспоминал когда, впрочем, как и о своем увлечении – поиске родины человека. Получилось, что весь свой азарт, силу ума и души отдал Таймыру, и когда этой весной к нему достучался журналист Сергей Опарин, внешне чем-то напоминающий Зимогора, академик пошел ему навстречу и подтвердил, что Балганский кратер – это и есть родина человечества. Журналисту очень уж хотелось услышать его авторитетное слово.

И это вовсе не означало, что он сам был в том уверен. Современный мир все больше становился материальным, расчетливым и деловым, так что почти уже не оставалось места мечте и фантазии – вещам, которые, однажды захватив воображение Насадного, привели его

к открытию не только богатейшего месторождения «космических» алмазов, но еще и к научному открытию в области ионосферы Земли и происхождения самих метеоритных кратеров и собственно метеоритов. Это не считая изобретения установки «Разряд», предназначенной для разрушения сверхтвердых пород и извлечения все тех же алмазов; установки, в основе которой, как выяснилось, лежит совершенно новый вид космического оружия...

Журналист поехал открывать Беловодье на Таймыр, и никто не знал, да и знать не мог, что откроет он в результате поиска.

Теперь к нему достучался еще один блаженный и принес весть, что детская мечта академика существует на самом деле, и принес доказательство в виде рассказа о черном веществе, отсутствующем в таблице Менделеева. И не скажи он о проданном детище – городе, выстроенном по проекту Насадного, академик бы сейчас радовался, как ребенок, и уже собирался в дорогу.

Весь остаток дня Насадный испытывал раздирающие душу чувства и полную растерянность: покуда смотрел на пустую солонку, почти уже соглашался с выводами Зимогора и готов был немедленно ехать на Алтай, однако, едва отрывал от нее взгляд, тотчас ощущал глубокую тоску и настороженность. Город Астроблема стоял мертвым уже восемь лет, но, тщательно законсервированный, мог бы простоять еще полсотни, ибо в Арктике ничего не горит, не гниет и не портится. У Насадного в голове не укладывалось, что город стал объектом продажи – товаром, за который государство может получить деньги. Во-первых, потому что не слышал, чтобы продавались целые города, во-вторых, выбрасывать его на рынок – это как в анекдоте про бизнес по-русски: украсть вагон водки, пихнуть его по дешевке, а деньги пропить.

И все-таки продали! С куполом зимнего сада, с домами, улицами, недостроенным обогатительным комбинатом, аэродромом и всей инфраструктурой. А значит, и с катакомбным цехом, где в толще сверхтвердых пород, в замураванном боксе хранится экспериментальный действующий образец установки «Разряд»...

Уже поздно вечером Святослав Людвигович обернул пустую, обыкновенную на вид солонку фольгой и убрал в оружейный шкаф, где, кстати, хранилась еще одна капсула – с алмазами космического происхождения. Однако не получилось, чтоб с глаз долой и из сердца вон; напротив, думая о Манорайской котловине, машинально бродил вдоль шкафов и перебирал, перекладывал книги, связки бумаг, отыскивая материалы по Алтаю. Найти что-либо в этих завалах было нелегко, и после долгих и бесполезных мытарств академик надыхался, нанюхался потревоженной пыли и стал чихать. Когда же прочихался, умыл лицо, в голове просветлело и он внезапно и окончательно решил, что завтра же поедет в Горно-Алтайск.

Утром над Питером появилось солнце, редкое в эту осень, и Насадный посчитал это хорошим знаком. Он обрядился в старые джинсы, мешковатую куртку и кепку, взял с собой четыре большие работы и отправился на набережную Невы, где гранитный парапет пестрил картинами самодельных художников. Продавать свои каменные полотна он стал недавно, когда окончательно прижало, когда, пересилив собственную болезненную рачительность, Святослав Людвигович начал подъедать мобзакладку и обнаружилось, что, несмотря на все старания, мука прогоркла, часть круп посекали мыши, испортила плесень и хлебный червь, вздулись банки с мясными и рыбными консервами, целыми оставались лишь мешочки с сахарным песком, превратившиеся в тяжелые булыжники. Много еще годилось в пищу, но только при крайних, блокадных обстоятельствах, которые, чувствовал он, не за горами.

Пустить в продажу свои шедевры его случайно надоумил представитель компании «Де Бирс», безуспешно попытавшийся что-нибудь купить у Насадного. Начал с малого: вынес на набережную пару шкатулок из дымчатого кварца и к концу дня дождался покупателя, получил восемьдесят долларов. Потом выставил несколько, с его точки зрения, неудачных панно малого размера и за несколько дней сбыв их за полтораста. Дабы не быть опознанным и осмеянным, Святослав Людвигович изменял внешний вид и прикрывал глаза темными очками. Бывало,

замечал знакомых геологов, интересующихся каменным творчеством, некоторые из них даже расспрашивали продавца, однако не могли признать в неряшливо одетом старике гордого академика, который и в тундре носил белоснежные рубашки и красивые дорогие галстуки.

И в этот день он благополучно отстоял до обеда, договорился с покупателем и отложил понравившееся ему панно на два часа, но тот вернулся раньше срока и не один – с человеком средних лет, который со знанием дела посмотрел шедевры, достал сильную лупу, поводил ею над полотнами, с разрешения Насадного так же тщательно обследовал обратную сторону и наконец устало спросил:

– Сколько все это стоит?

Смущенный академик сразу не нашелся что ответить, оптовых покупателей еще не бывало, и пауза затянулась.

– Назовите вашу цену, – предложил он. – Хотя бы порядок цифр.

– Это очень дорого, – отозвался Насадный. – Но я вынужден продавать дешевле...

– Вы скажите сумму! Верхний потолок!

– За все работы я бы попросил восемьсот долларов.

– Восемьсот?.. Да, это Россия!.. Слов нет. Знаете, сколько стоят подобные уникальные вещи? Каждая из них в десять раз дороже!

Академик вдруг понял, что перед ним не покупатель, а ценитель его творчества, человек, обладающий фантазией и чувством прекрасного.

– Возможно, вы правы, – однако же уклонился Насадный. – Но сейчас рынок и все зависит от спроса. Настоящую цену никто не даст.

– Простите, вы только продавец или эти работы – ваши?

Он полагал, что этот «искусствовед» все равно не купит ни одной картины – у таких обычно нет денег, – и потому расслабился, потерял бдительность.

– Мои работы, – признался просто и даже уловил легкую собственную гордость.

– Да!.. – Ценитель наконец-то оглядел академика, почти как картину. – Как вам удастся? Вы маг? Или алхимик?.. Это же натуральная живопись: палитра, гармония цвета... И ни одного шва! Цельные куски!

Он проливал бальзам на душу, и следовало бы насторожиться, взглянуть на сладкопевца иными глазами, но истосковавшаяся по доброму слову душа творца уже парила от счастья. Раньше ничего подобного не случалось, покупали панно в основном «новые русские», как оригинальные побрякушки для директорского стола в офисе...

Ценитель взмахом руки подозвал к себе товарища, что-то сказал ему тихо и тот через минуту подогнал какой-то автомобиль зарубежной марки, в которых академик совершенно не разбирался.

– Рассчитаемся в машине, – шепотом заявил знаток. – Потом отвезу вас, куда скажете. С деньгами ходить по городу небезопасно.

Святослав Людвигович все еще не чувствовал никакого подвоха, поскольку испытывал полное недоумение: покупатель не походил на богатого человека. Сел в автомобиль вместе с шедеврами и тут же получил деньги – по две тысячи долларов за каждую работу.

И тоже ничего не заподозрил, ибо вдруг осознал, что не только дорога на Алтай, но и старость ему теперь обеспечена.

Его и в самом деле отвезли куда он сказал – на Петроградскую, благодарно распрощались, обменялись телефонами, и Насадный пошел сначала в сберкассу, чтоб обменять валюту, затем в магазин, где купил шампанское, дорогую нарезку и фрукты, после чего отправился домой напрямую, проходными дворами. Едва оказавшись в своей квартире, он позвонил Рожину и пригласил его на праздничный обед: старый сподвижник был единственным человеком, посвященным в «торговый бизнес» академика: грязное, непотребное это занятие приходилось тщательно скрывать.

За столом они просидели до вечера, даже старые походные песни попели под гитару. Насадный выбрал удобный момент, отсчитал старому сподвижнику тысячу долларов и сунул в нагрудный карман.

– На нашу пенсию прожить нельзя! – прикрикнул, видя его немое сопротивление. – Да еще бы ее платили... А мне сегодня невероятно повезло, покупатель настоящий пришел, первый... Будут деньги – вернешь.

И вдруг у старого сподвижника загорелся взор. Он выхватил доллары из кармана и швырнул на стол.

– Хватит! Хватит, Насадный! – выкрикнул бывший аспирант возбужденно и обидчиво. – Мне твои деньги не нужны, понял? Не возьму!..

– Понимаешь, они мне очень легко достались, Миша! – Академик собрал деньги и вновь попытался сунуть их в карман Рожина. – Я же объяснял: нашелся покупатель!.. Полный идиот! Готовый выложить за какую-то ерунду, за... плоды дряхлеющего ума кучу денег! Не бойся, мне хватит! Еще целых семь тысяч! Так что собирайся, снова поедem в частную экспедицию. Это зарплата, если хочешь.

– Я больше никуда не поеду с тобой. – Старый и верный сподвижник ударил по руке с деньгами и встал. – Да, тебе все дается легко... Открытия, изобретения, звезды, даже памятник при жизни. Все легко и просто.

– Миша, да перестань, ты что? – засмеялся и одновременно испугался Насадный. – Ты-то свидетель, что мне легко далось? Ни одного дела еще до конца не довел!

– А балганские алмазы? А установка «Разряд»?.. И еще – город, по собственному проекту...

Насадный услышал глубокое и сильнейшее разочарование – не хотелось даже про себя называть это завистью.

– Рожин, я тебе рожу набью! – Он еще пытался сгладить назревающий конфликт – явление в их отношениях небывалое. – Месторождение законсервировано, «Разряда» нет, не существует!

– Как же, а опытный образец? Действующий, промышленный образец? И Ленинская премия!

– Да это же действующая модель! Чистейший самопал!

– Ладно, только мне не рассказывай! – недружелюбно мотнул головой Рожин. – Но город-то стоит! За Полярным кругом!..

– Город продали, Миша...

Он ничего не услышал, поскольку не хотел, засмеялся зло: так он смеялся только над врагами...

– Невезучий бессребреник!.. Не надо передо мной выделываться, Насадный. Ты сколько раз академик? Поди, и со счета сбился? А я посчитал! Тебя приняли в шесть европейских академий.

– Хорошо посчитал?..

Рожин не давал и слова вставить, выплескивал все, что накопело в его душе, причем валил все в кучу, без разбора...

И не сказать, что делал это по пьянке, ибо выглядел совершенно трезвым...

– Мировая величина! А если бы еще Запад вовремя услышал об открытии таймырского феномена? Что бы было? Нобелевская, разумеется!.. – Перешел на шепот: – Ну, а если бы узнал о существовании «Разряда»? Технологии будущего?.. Живая икона! Молились бы на тебя!.. Нет, я все тебе скажу, все!

Столь внезапный прорыв сначала ошеломил Насадного, но затем, как это обычно случалось, вызвал холодное раздражение. Вообще следовало бы дать по физиономии и выгнать в шею, однако упоминание об астроблемах неожиданно толкнуло его к воспоминаниям. Он

дождался паузы, когда старый сподвижник налил себе полный фужер шампанского и стал жадно пить – будто огонь заливал.

– Поедем искать родину человечества, – будто ничего не случилось, заявил академик. – На сборы тебе даю один день. Полетим самолетом, раз денег привалило...

– Я сказал – никуда больше не поеду! – отрезал бывший аспирант. – Мне надоело сидеть в твоей тени. У меня могла быть собственная судьба! Пусть не такая, как у тебя! Без героических звезд, памятников... Но своя! А я за тобой всю жизнь, как верный пес... Это ты меня сделал таким!

– Рожин, а ты ведь земноводный! – непроизвольно вырвалось у Насадного. – Ты же летарий! Как я этого не замечал?..

Старый сподвижник насторожился.

– Что значит – летарий?

– Ты не обижайся, это не оскорбление. И не твоя вина...

– Нет, ты мне объясни, что такое – летарий? Или как там еще?..

– Состояние души, – постарался уклониться Святослав Людвигович от прямого ответа. Но Рожин не мог успокоиться и нарывался на скандал.

– И какое же у меня состояние души? Разумеется, оно на порядок ниже твоего? Так? И душа совсем пустая! Еще и подлая, да? Столько добра сделал, облагодетельствовал, в люди вывел, а теперь приходится выслушивать претензии!.. Не так? Тогда скажи сам!

– Ты живешь на свете первый раз, – проговорил Насадный. – Впрочем, может, я и ошибаюсь...

– Ну конечно, первый раз! – задиристо подхватил он, наливая себе шампанского. – А ты у нас – сорок первый! Поэтому такой гениальный, знаменитый... Да все, что ты сделал, – дерьмо! Дерьмо, понял?! Потому что никому не нужно! Ты сам не нужен!

– Мы оба с тобой оказались не нужными.

– Не оба – я с тобой стал не нужен! Под твоей тенью!.. из-за тебя мне не дают читать не то что курса – разовых лекций в университете! К студентам не подпускают!.. Стоит лишь назвать свою фамилию, как мне в ответ называют твою! А, сподвижник и полпред академика!..

– С чего ты завелся, Рожин? – придвинувшись к нему, спросил Святослав Людвигович. – И почему именно сегодня? Я позвал тебя, чтобы устроить маленький праздник... Теперь можно ехать в экспедицию, вон какие деньги с неба упали! А ты взял и испортил праздник.

– Ты мне жизнь испортил, Насадный. Может быть, действительно единственную. Что-то я не верю в переселение душ...

– Тогда давай выпьем мировую? – предложил академик. – Стоит ли ссориться, если все дело в том, что не дают читать лекции? К студентам не подпускают!.. Меня тоже не подпускают. Ну и что?

– Тебе-то ну и что!.. У меня жизнь кончается.

– Умирать собрался?

– Ага, сейчас! Не дождешься!..

В этот момент Святослав Людвигович вспомнил, что это не первая их ссора. Была одна, правда, очень давно, и возникла она из-за пустяка с точки зрения Насадного. На второй год, когда в Балганском кратере уже работала геологоразведочная экспедиция, на берегу реки откопали мамонтенка. Залежи бурого угля были почти на поверхности, под метровым слоем мерзлоты, и его черпали для нужд поселка обыкновенным экскаватором. Растепленный грунт превратился в грязь, потек селью в реку, и однажды утром экскаваторщик обнаружил ископаемый труп животного. Размером он был со среднего слона, разве что обросший густой желтой шерстью и абсолютно целый. Сообщили в Красноярское отделение Академии наук, потом в Москву отослали телеграмму, но прошла неделя, другая – нигде даже не почесались. А на Таймыре хоть и было всего пятнадцать тепла, хоть и завалили мамонта кусками льда с озера,

закрыли брезентом от солнца, все равно начался запашок. Ко всему прочему кто-то ночью ободрал всю шерсть с одного бока – она уже начала лезть сама. Потом вырубил огромный кусок из задней ноги – кому-то захотелось попробовать пищи первобытного человека. А еще через неделю ископаемое чудо нашли собаки...

И видя это, уже навалились люди: это же заманчиво – иметь настоящую, «живую» кость в виде сувенира... Мамонта растаскали в один день, варили и пробовали мясо, вкусом напоминавшее падаль, однако пробовали, чтобы потом можно было сказать – а я вот ел мамонтину!

Спустя месяц после этого Насадный однажды застал Рожина за делом, в общем-то привычным для бывшего аспиранта: он вязал свитер. Это была его коронка – вязать во время раздумий, ожиданий или в дороге, к чему все давно привыкли. Тут же академик обратил внимание на очень знакомый цвет толстых шерстяных ниток. А в углу еще стояло два мешка отмытой и прочесанной длиноволокнистой шерсти...

Старый сподвижник даже не отрицал, где взял столь необычный материал, и когда Насадный допек его вопросом, зачем он это сделал, Рожин ответил определенно:

– У меня будет единственный в мире свитер из мамонтовой шерсти! Понимаешь? Ни у кого такого нет и вряд ли когда будет. Единственный – у меня! Даже у тебя не будет!

Тогда академик посчитал это за блажь, за простое желание иметь нечто эдакое, чего действительно нет в мире ни у кого.

И скоро простил...

Сейчас тоже следовало простить...

– Ну, так ты согласен на мировую? – спросил он, вспомнив, что оригинальным свитером Рожин попользовался недолго: жадная до древностей питерская моль сожрала его на второе лето...

– Неужели ты согласен на мировую после того, что я сказал?

Святослав Людвигович вылил остатки шампанского в фужеры, поставил бутылку под стол.

– Поедем, посмотрим настоящую звездную рану. Последнюю на сей раз.

– Насадный, я тебя ненавижу. – Бывший аспирант опрокинул свой фужер, разлив вино по столу. – Если бы ты знал, как я тебя ненавижу!

Шампанское подтекло под доллары, разбросанные веером...

Академик собрал деньги, скрутил их в трубку и забил в карман Рожина.

– Это твоей жене. И попробуй вякни!..

– Ладно, возьму, – согласился тот. – Но ты все равно дерьмо. И тоже никому не нужен! И хорошо, что я тебе сегодня сказал все в глаза.

– Легче стало?

– Ну ты и скотина, Насадный! Да пошел ты!.. – Рожин схватил плащ и бросился вертеть ручку замка.

Академик стойчески дождался утра и позвонил Родину. Трубку взяла его жена, Вера Максимовна.

– Если твой муж проспался, то дай ему трубку, – попросил он.

– Миша сегодня ночью умер, – услышал в ответ. – Инфаркт... До больницы не доездили...

Известие потрясло его сильнее, чем информация о проданном городе. Академик тотчас же решил ехать к вдове Рожина, но тут позвонил покупатель – «искусствовед», отваливший за картины огромные деньги, и, извиняясь, стал просить о встрече, дескать, каменные панно произвели огромное впечатление на его друзей и особенно на шефа, который хочет лично посмотреть панно и кое-что приобрести, и что они уже подъехали к его дому и стоят у подъезда – можно выйти на балкон и в том убедиться.

Академик как-то пропустил мимо ушей, что ценитель назвал его фамилию, хотя Святослав Людвигович не представлялся и никаких надписей на панно не оставлял. Ошеломленный

неожиданной смертью старого сподвижника, он не сумел отказать сразу и решительно, позволил уговорить себя, вернее, не нашел аргументов, чтоб избежать встречи, а рассказывать о своем горе чужим людям он не любил.

Короче, уже через пять минут по квартире бродили какие-то люди, рассматривая каменные картины и экспонаты минералогического музея. Кто из них был вчерашний покупатель и кто шеф, Насадный так и не различил, впрочем, это было и не важно: из головы не выходила мысль о скоропостижной кончине Рожина, к тому же он вдруг осознал, что остался на свете один, как перст. Жена умерла семь лет назад, дочь вышла замуж за иностранца и уехала в Канаду, с родственниками более дальними давно потеряна связь...

Покупатели около часа кружились по квартире, затем пили кофе, совещаясь, и наконец сделали выбор – панно «За час до свадьбы», где не искусный творец, а сама природа изобразила невесту в подвенечном платье перед зеркалом (и труда-то было: правильно распилить глыбу, заделать и зашлифовать стык двух плит). Цену назвали фантастическую – двадцать пять тысяч долларов, однако картину сразу не взяли, обещали, что послезавтра придет специальный человек с деньгами, расплатится и заберет. Этот факт наконец-то дошел до сознания, и Насадный категорически отказался, поскольку на послезавтра были назначены похороны. Любители каменной живописи не настаивали, согласились подъехать через три дня и, оставив крупный задаток без всякой расписки, уехали.

После похорон и общих поминок в столовой института самые близкие поехали к Рожину на квартиру и по просьбе вдовы остались там до утра. Нарушая ритуал, пели под гитару любимые песни Михаила, смотрели альбомы с фотографиями из многих экспедиций, вспоминали и разъехались, когда заработало метро. Академик так и не рассказал никому о предсмертной исповеди покойного – не подвернулось случая, да и не к месту было вспоминать о тяжком и так в слишком скорбной обстановке.

Он не спал уже три ночи и потому, едва войдя в квартиру, рухнул на диван не раздеваясь. Тускнеющий его взор в последний миг уловил некое изменение обстановки, диссонанс вещей и предметов, но сон уже помутил рассудок и через мгновение вообще отключил его. Точнее, переметнул во времени, и академик очутился в латангском аэропорту, в деревянном здании, где узкий и длинный зал ожидания с авиационными креслами буквально шевелился от обилия тараканов. Снился ему он сам и покойный Миша Рожин; будто сидят они рядом, дремлют и слушают аэродинамический вой пурги. И тут из давно заглохших динамиков вдруг прорывается голос диспетчера, но слышно не объявление рейса, а песня, которую только что пели на поминках – «Надежда». Но никого не разбудила эта чудесная песня и нежный голос Анны Герман; как спали, так и спят пассажиры примерно двадцати посаженных в Латанге рейсов. Всего около тысячи человек! Спят вповалку, среди тараканов, кто может – сидя, а кому вообще не досталось места – стоя, по-лошадиному, только головы валяются влево, вправо, будто у заморенных блокадных головастиков. И тут вскочил Рожин и заорал, как армейский сигнал тревоги:

– Люди! Мать вашу!.. Слушайте! Слушайте песню! Это же «Надежда»! Хватит спать, люди!

От его рева Насадный подскочил, слетела дрема – под ногами враги ненавистные – крылатые облюбовавшие Арктику насекомые, коричневые твари, – начал топтать их унтами, слыша характерный хруст, будто по жареным семечкам ходил!

И нечаянно наступил на руку мальчишки, откинутую в глубоком сне. Казалось, раздавил, но ребенок не проснулся, только сжал ладошку в кулачок. Он заглянул ему в лицо и внезапно узнал себя – питерского блокадного головастика. Так уже было: он спал на полу бомбоубежища, и кто-то в темноте наступил на руку...

Он склонился над мальчиком, бережно убрал его руку из-под ног и долго гладил кулачок, пока он не ослаб и прощенно не разжался.

Потом только огляделся – мать моя! – откуда столько народу?! Вроде бы засыпал в полупустом зале...

Этот сон вовсе и не был сном. Однажды с Рожиным – а дело было в семидесятом, когда возвращались из первой официально настоящей экспедиции, – они отдали «генеральские» билеты женщинам, геологам-поисковикам, которые рвались домой, в Питер. И последний Ил-18 стартовал из Хатанги под самый занавес двухнедельной пурги, а они остались истреблять отвратительных, мерзких насекомых...

По истечении первой недели Насадный впал в анабиоз, когда сон и явь спрессовались в единый конгломерат, поэтому оглушающий крик Рожина прозвучал как будильник.

Из динамиков несся чистый, завораживающий голос Анны Герман: «Надежда, мой компас земной...»

– Вставайте! Слушайте песню! – все еще гремел старый сподвижник. – Хватит спать! Замерзнете!

Проснулся лишь один мальчик под ногами, сел и завертел головенкой. Тогда Рожин закричал в отчаянии:

– Грабят! Держите карманы! Воры, вокруг воры! Эй, куда потянул кошелек?! Вставайте, у вас все украли!

Тысячная человеческая свалка мгновенно встрепенулась, ожила, а Михаил сел в свое кресло и засмеялся. И мальчик засмеялся...

Голос покойного все еще стоял в ушах, когда Святослав Людвигович проснулся в своей квартире на Петроградской. И еще подумал – к ненастью, и ветер услышал, завывающий между домов. За окнами серела гаснущая белая ночь, и в сумеречном ее свете перед глазами оказалась стена, забранная от пола до потолка остекленными шкапами.

Они были пусты, на полках лежали только призрачные «зайчики» света, падающего из высоких окон.

Сначала он решил, что это продолжение сна. Сейчас слетит его дымка, и все появится – угловатые, тяжелые образцы пород, правильной формы столбики керна, поблескивающие зеркалом многочисленные шлифы, кристаллы минералов, спаянные в друзы – все то, что было привычным, примелькалось и составляло душу дома.

Потом он осторожно сполз с дивана – прихватывало спину после долго сна – и согбенный, перетерпавшая боль, долго бродил вдоль застекленных стен, открывал дверцы и щупал пустые полки...

Полностью исчезла коллекция, собранная за долгие годы работы в Балганском метеоритном кратере. И большая часть образцов пород и минералов, привезенных с семидесяти астроблем из разных частей света, при этом образцы, взятые из кратеров на территории бывшего Советского Союза, пропали почти все.

Вместе с этим вынесли множество папок и бумажных связок, в которых уже и сам академик разобраться не мог; лишь после тщательной проверки он установил, что похитили все материалы, касающиеся астроблем вообще и Балганского кратера в частности. Но обиднее всего было другое: из запертого оружейного шкафа выкрали капсулу с неведомым сверхтяжелым минералом из Манорайской котловины и запаянную стеклянную ампулу с алмазами, которые он добывал попутно, дробя негодные для творчества осколки руды. Исчезло и несколько работ, выполненных из каменного материала Пестрых скал, глыбы брекчий, хранившиеся в кладовой, запасы поделочного камня, привезенные с Таймыра, и даже обрезки, которые не успел переработать; одним словом, пропала вся руда – алмазосодержащая порода, из которой и получались уникальные по живописности и рисунку полотна академика.

Это потрясение было уже третьим по счету за последние дни и ничуть не легче первых двух. Около часа он бродил по квартире, прежде чем в голову пришла мысль позвонить в милицию. Академик снял трубку, и в тот же миг в передней раздался звонок.

Не спрашивая, кто – а глазка в двери никогда не бывало, – Насадный отомкнул замок и отступил...

За порогом стояла женщина возрастом чуть за тридцать, с изящным, утонченным лицом и огромными вишневыми глазами. И не просто знакомая, ибо академик мгновенно вспомнил, как она же явилась ему в латангском аэропорту десять лет назад.

Вспомнил не только ее имя, а еще то, что встречал ее, или женщину очень похожую, еще раньше, очень давно, в детстве, в блокадном Ленинграде...

В Музее забытых вещей заканчивался внутренний ремонт, и потому все экспозиции были свернуты, убраны в подвалы; пустые, недавно побеленные, с восстановленной лепкой по потолку, помещения казались просторными, гулкими, и каждый шаг по отлакированному паркету казался оглушительным. В залах не было ни посетителей, ни рабочих – кажется, все разошлись на обеденный перерыв, и потому Мамонт поднимался не по черной, как обычно, а по парадной лестнице, придерживая Дару под локоть.

За растворенными окнами уже трепетала на ветру легкая парковая зелень, березы и клены вообще распустились, шумели совсем по-летнему, но речная даль еще отражала холодное, по-весеннему бирюзовое небо.

Раньше Мамонт не очень-то любил эту пору – ни весна, ни лето, – предпочитал яркие контрасты в природе, однако сейчас его радовало все, ибо он после трех лет жизни в Североамериканских Штатах за три часа пребывания на родине еще не насмотрелся, не согнал с себя грустную ржавчину ностальгии, хотя успел уже проехать и посмотреть немало.

На лестничной площадке мансардного этажа, перед дверью с табличкой «ДИРЕКТОР», Дара задержала его, упершись в грудь руками, поправила галстук-бабочку, уголок платочка в визитном карманчике смокинга и сказала просяще:

– Очень прошу тебя, милый, пожалуйста... не прекословь ему. И ничего не требуй.

– Дорогая, ты стала уже как ворчливая жена, – буркнул Мамонт по-английски, совершенно забывшись. – Мы идем не в гости...

– Мамонт, ты дома! – засмеялась она и отерла ладонью щеку. – И это не сон... Здесь можно говорить по-русски!

Он промолчал, уязвленный, и молча открыл дверь.

Стратиг сидел за столом в заляпанном известью халате, но с белоснежной салфеткой, заправленной за ворот рубашки, и обедал. Две Дары средних лет в подобных одеяниях делили с ним трапезу, одновременно прислуживая ему. При появлении Мамонта он медленно обернулся, посмотрел через плечо долгим оценивающим взглядом, после чего вытер руки и проговорил без всякого приветствия:

– Садитесь к столу... гости дорогие.

Спутница Мамонта подошла к Стратигу, обняла за шею и поцеловала в щеку – он остался холоден и равнодушен. А Дары обе сразу вмиг вскочили и принялись выставлять на стол приборы, принесли фарфоровую супницу и два накрытых полотенцами судка.

Стратиг еще раз осмотрел Мамонта, похлебал суп из тарелки, наверняка начала прошлого века, и отложил золотую ложку.

– Ну, поведайте мне, путешественники, где бывали и что видали, – проговорил он, не поднимая бровей. – Как там житье за морями-океанами?

Дара заметила, что Мамонт начинает заводиться, и предупредительно стала заправлять ему салфетку за тугий ворот. Попутно слегка оцарапала горло ноготками.

Это привело в чувство, и он увидел перед собой тарелку, полную до краев прекрасных щей со свининой; запах достал носа, и Мамонт взял тяжелую ложку. Ностальгия в смеси с голодом – не ел уже сутки, с тех пор как получил известие немедленно предстать пред очи Хранителя Забытых Вещей, – давала странную реакцию: хотелось не есть, а любоваться пищей,

как произведением искусства. Он бережно окунул ложку в щи и поднял со дна просвечивающуюся насквозь капусту с мелкими кусочками картофеля и сала. То ли от золота, то ли от весеннего света, ниспадающего из узких окон, щи засветились, и замерцали восковые блески расплавленного жира.

Эх, сейчас бы успокоенную душу да деревянную ложку, чтоб не опалить губ!..

– Вижу, неплохо там живется, – сказал Стратиг и наполнил хрустальный бокал темным вином. – И вид у вас весьма уважаемый... Пожалели, что сорвал с насиженного места? Или с радостью ехали на землю предков?

– Какая уж там радость... Когда на головы сербов валяются бомбы, – проворчал Мамонт. – Я мог бы остановить кощеев... Но ты позвал в самый неподходящий час.

И тут же получил каблучком удар в голень. Если не до крови, то ссадина будет, потому что сразу же загло...

– И как ты собирался остановить их? – невозмутимо спросил Стратиг, взяв бокал в горсть жесткой, узловатой рукой.

– Мой подопечный, будущий президент Североамериканских Штатов, организовал мощный протест белого населения, – сказал Мамонт. – Протест, который должен был перерасти в политический кризис. В результате бы президенту объявили импичмент и Дениз пришел к власти.

– Без тебя он смог бы провести это мероприятие? – спросил Стратиг по-прежнему бесцветно и равнодушно.

– Нет... Бывший морпех пока еще не обрел достаточного политического веса и влияния. Пока он делает правильные, но довольно робкие шаги. Ему все время требуется плечо, чтобы опереться... И это естественно.

Стратиг сделал глоток вина, после чего встал и тронул рукой темя каждой Дары, что означало благодарность.

– Я устал повторять, мы не можем, не имеем права вмешиваться в исторические процессы! – проговорил он с внутренним холодным спокойствием. – Это вносит лишь сумятицу в сознание изгоев, чем пользуются кощеи и усугубляют положение. Если говорить о Североамериканских Штатах, то твой подопечный должен был не белое, а цветное население привести к массовому гражданскому неповиновению. Благо, что для этого были все предпосылки. Белые по старой памяти гонят черных в горячие точки планеты, используют в тех областях деятельности, где требуется физическая сила и страсть к победе, и тем самым прямо или косвенно насыщают их воинственным духом. Они сейчас более активная часть населения Штатов и за ними будущее... Печальное будущее. Но сейчас речь не об этом, Мамонт. Почему ты явился один? Где твой воинственный Странник со своей командой?

– Арчеладзе получил сильнейшую дозу облучения в Боснии, когда изымал ядерный заряд, предназначенный для взрыва горы Сатва, – сообщил Мамонт.

– И что с ним теперь?

– Я отправил их с Дарой на Урал.

– Он здесь? Почему я об этом не знаю?

– Нет, на Урале осталась лишь его жена с маленькой дочкой, – вмешалась Дара с легкой и глубоко скрытой тоской. – Если бы ты видел это создание...

– Где Арчеладзе?

– Он достал двести комплектов «Иглы» и уехал в Косово. – Мамонт зажал ногу Дары и сдвинул, чтобы не вмешивалась. – Вся его команда там, и сейчас валят натовские самолеты.

Стратиг растворил окно, постоял, вдыхая запах свежей травы, распускающейся листвы и солнца.

– Полагаю, ты считаешь это геройством? – спросил он. – Братская помощь сербам?.. О, гои, гои! Мало вас бьют кощеи своей сапожной лапой. Надо бы еще, чтоб образумились... Вот

если бы существующий режим послал туда полк с ракетами С-300, это можно воспринимать как подвиг. Не режима – народа, который подвинул правительство отправить этот полк на помощь братьям. Народ безмолвствует, как сказал поэт, и потому твой Арчеладзе с «Иглами» – мертвому припарки. Как и твой будущий президент Штатов с белым меньшинством и наивными представлениями о благородстве своих сограждан, наследников бывших авантюристов, висельников и убийц.

Он сделал небольшую паузу, с сожалением затворил окно и как бы вернулся в зал.

– Мой отец предупреждал, когда я принимал от него урок Стратига. Он часто говорил мне: опасайся избранных Валькириями! Они вносят... мировую скорбь, сострадание и чувство утраты.

– Ты хотел сказать, романтическое отношение к жизни, – вдруг смело поправила его Дара и в тот же миг получила:

– Помолчи, женщина!

Стратиг всегда очень нежно относился к Даре, и этот его окрик говорил о многом: вызов Мамонта из Штатов был обусловлен весьма вескими и важными причинами...

– Да, романтизм, – спустя несколько секунд поправился он. – Струю свежего ветра и крови. Но и отнимают тоже достаточно, тем что вносят хаос в сознание гоев.

Он вдруг заметил своих Дар, которые невозмутимо расставляли чайные приборы тончайшего китайского фарфора. Подождал, когда наполнят маленькие изящные чашки, затем благодарно поцеловал каждую в лоб и обронил, усаживаясь за стол:

– Ступайте... Пора возвращать экспозиции на свои места. Скоро начало сезона, поедут туристы... Пусть изгой любуются на мир забытых ими вещей.

Он их попросту прогнал, чтобы не присутствовали при важном разговоре. Он и Дару хотел выставить, чтобы остаться с Мамонтом наедине, однако, строптивая, она не позволила этого сделать – раскинула огромную волчью шкуру на тахте и легла с чашкой чая в ладони. Стратиг лишь посмотрел на нее, свел брови, чтобы выразить возмущение, и не посмел удалить ее из зала.

Но зато причитающийся ей самодержавный гнев выплеснул на Мамонта. И весьма откровенно – чем всегда вызывал уважение – высказал нетерпение избранным Валькириями.

– Ты не исполнил определенного тебе урока! – стал выговаривать он. – То, что происходит сейчас в Земле Сияющей Власти, можно было погасить в самом зародыше. И не привлекать для этого своего подопечного. Для этой цели я послал тебе самую изощренную Дару!

– Самую развращенную! – огрызнулся Мамонт.

– Не имеет значения! Почему у действующего президента Североамериканских Штатов до сих пор в штанах... – Он осекся, глянул на Дару и изменил терминологию: – До сих пор целы детородные органы? Ты же сам предложил оскотить его!

– Потому, что Моника вошла во вкус!

– Ты несправедлив к ней, – заступилась Дара. – Она еще очень молода, неопытна и подвержена увлечениям... Надо простить ее, Мамонт. Тем более Моника получила весьма выгодную славу в американском обществе. И она еще скажет свое слово.

– Речь о сегодняшнем дне! – оборвал ее Мамонт. – На головы сербов падают бомбы!

– Довольно! – прикрикнул Стратиг. – Объясниться между собой у вас было время... Почему я до сих пор вижу мутную старуху?! Я же сказал тебе, убери ее с экрана! Дабы не оскорбляла человеческого образа.

– У них там нет иных образов, – мягко воспротивился Мамонт. – А потом... Это стало бы вмешательством в исторический процесс. И это не моя вина, что Мадлен из мутной девочки выросла в мутную старуху.

– А чья?!

– Самих сербов. И это рок... А потом не я спасал. В то время Страгой Запада был Вещий Гой Зелва. Это он нашел Мадлен и отдал в сербскую семью.

Вероятно, Стратиг забыл об этом и сейчас, чтобы выйти из неловкого положения, заворчал:

– Вещий Гой... Ты тоже Вещий! Но вместо Вещества вы вносите в жизнь гоев вот такие проблемы! Он что, не рассмотрел, что скрывается под ангельским видом этой... этой несчастной девочки?.. Нет, спас кощейское отродье. А ты помнишь, как закончил свой путь Зелва?

– Помню, – обронил Мамонт. – Но мой предшественник отомщен. «Арвоха» более не существует. Каждый мертвый дух получил по арбалетной стреле.

– Не обольщайся, – однако же довольно пробурчал Стратиг. – У кощеев есть кому играть на гавайской гитаре...

– Судя по прелюдии, ты опять задумал изменить судьбу Мамонта? – со вздохом проговорила Дара.

Стратиг взглянул на нее, отвел глаза и заговорил с угрожающей назидательностью:

– Устал повторять!.. Я не меняю судеб, а лишь даю уроки. Уроки!.. И не смей перебивать, когда я говорю! Если бы ты знала, что ждет его впереди!.. Он будет на празднике Радения!

– Ты хочешь послать нас в Манораю?! – то ли испугалась, то ли восхитилась она.

– Его, но не тебя!

– Как же он без меня будет на празднике? Нет, Стратиг! Я пойду с ним!

– По поводу тебя нам еще предстоит отдельный разговор, – с раздражением бросил он. – А пока молчи и слушай...

– Я не оставлю Мамонта! – дерзко заявила Дара. – Я должна быть с ним в Манорае!

Он все-таки проявлял великое терпение к ней: другую бы уже давно выставил за подобные пререкания и отправил бы прислуживать какому-нибудь дипломату или ожиревшему чиновнику.

– Для тебя приготовлен другой урок, – пообещал он. – Ты уже бывала там, хватит.

– Всего два раза! В юности, когда меня заметил Атенон, и еще раз, когда отвозила в горы несчастного Зямщица!

– Другие и этого не получают...

– Стратиг, ты же знаешь, Манорая для меня – почти что родина!

– Тебе возвращена память, а душе бессмертие. Что еще хочешь?

– Соли Вечности.

– И соль ты вкушала!

– Но так мало, Стратиг!

Взгляд его стал гневным.

– Если еще скажешь слово – лишу пути!

– Все равно уйду с Мамонтом, – проговорила она и обиженно замолкла.

– Ладно, давайте к делу. В обиталище Атенона вновь проникают кощеи. – Голос его стал деловито-жестким. – Получившие власть над миром жаждут вечности. Они лихорадочно ищут пути, как сделать душу свою бессмертной, но, слепые, пока что стремятся продлить существование физического тела. Замораживаются живьем, чуя близкий конец, консервируют в жидком азоте свое семя, пытаются клонировать клетки... Когда золотой телец в руках, власть его кажется беспредельной, и земноводным летариям становится мало одноразовой жизни. То, что гои получают от рождения и совершенно бесплатно, для кощеев становится смыслом существования. Им не так нужна соль Знаний, как манорайская соль. Наркотик уже не в состоянии удовлетворить потребности дарвинов, ибо он дает лишь мгновенное ощущение бессмертия. Повальное увлечение им скоро пройдет, и тогда изгоев охватит иная жажда. За вечность они уже сегодня готовы отдать все свое золото. И можно представить себе мир, которым станут управлять кощеи бессмертные.

Искупая свою вину, Стратиг налил чай в чашку, установил ее на серебряный поднос и подал Даре. Тронутая таким вниманием, она погладила его руку и обронила тихо:

– Благодарю тебя... Но все равно пойду в Манораю.

– Святогор опасается за сокровища, особенно сейчас, в пике фазы Паришу, – между тем продолжал он. – Дело усугубляется еще и тем, что доморощенные кощеи, захватившие власть в России, хотят поставить добычу манорайской соли на государственный уровень. Для них сейчас слишком хлопотно и накладно, например, строить нефтепроводы и продавать выкачанную из недр земли кровь. Им уже невыгодно добывать золото!.. Они уже мыслят себя бессмертными и хотят торговать вечностью... Должно быть, тебе известно, Мамонт, идея эта не нова и многие поколения кощеев стремились проникнуть хотя бы на территорию, где обитает Атенон. В мире изгоев она известна как Шамбала или Беловодье. Сами они не могут ходить туда: манорайская соль или даже излучение ее в Звездной Ране разрушает всякий искусственный интеллект. Но сейчас совсем нетрудно отыскать честолюбивых и незрячих изгоев, чтобы их руками попытаться добыть соль Вечности. Тем более к ним стихийно возвращается память, и они все чаще бросаются на поиски своей родины. И это естественно в пике фазы Паришу...

– Все так свежо в памяти. – Дара заполнила повисшую паузу. – Наш табор кочевал с реки Ганга, и мы остановились на ночлег. Там и подошел ко мне Атенон...

– Я уже это слышал, – оборвал ее Стратиг, отчего-то утратив прежнюю внимательность к Даре. – Если Мамонт не знает – расскажешь потом. А сейчас не мешай мне!

Через минуту стало ясно, отчего в распорядителе судеб произошла столь резкая смена настроения. Он вспомнил, что все еще находится в рабочем халате, содрал его, швырнул к порогу и, оставшись в простой солдатской рубашке, сел верхом на скамейку, опустил плечи.

– В прошлый раз, когда я отводил изгоев от Манораи, совершил ошибку, – неожиданно признался Стратиг, что было почти невероятно. – Сын Варги Людвиг, Святослав, бывший когда-то на празднике Радения у Святогора, не пошел по стопам отца, поскольку утратил память... А всякий зрячий гой, оставшийся в мире земноводных, порой делает непредсказуемые шаги. Он стал искать Звездную Рану, и я отвлек его внимание подобным кратером на Таймыре. – Он выпрямился, глянул через плечо на Мамонта. – И он там открыл Звездную соль – алмазы! Чего не должен был делать... Мало того, изобрел установку для их добычи, а по сути, новый вид космического оружия. Не зря говорят: заставь дурака Богу молиться, он лоб расшибет... Сын Людвиг мне нужен был для иных целей. Если бы он повиновался року, этого бы не случилось... А сейчас у Святогора нет Варги, и некому хранить соль Вечности.

– Я так и думала, – вздохнула Дара. – Судьба Мамонта тебе не дает покоя. Когда ты смиришься и перестанешь завидовать избранникам Валькирий?

– На сей раз я ему не завидую, – неожиданно с горечью произнес Вершитель судеб. – Вкусившему соли Знаний куда приятнее жить, например, среди изгоев Североамериканских Штатов и чувствовать себя почти богом... Но быть хранителем манорайской соли и испытать бессмертие...

– Да, это на самом деле не зависть, – согласилась она. – Еще хуже – незаслуженная казнь. Он вынес эту реплику спокойно, обернулся к Мамонту.

– Ты тоже так считаешь?

Мамонт приблизился к окну и долго смотрел на яркую, по-весеннему девственную зелень липового парка.

– Однажды ты вырубил мне посох, – проговорил он невозмутимо. – Я посчитал это наказанием... Жестким, справедливым наказанием и повиновался року... Путь Странника привел к соли Знаний.

– Путь Варги в Чертогах Святогора приведет к Вечности, – продолжил Стратиг. – Ты это знаешь лучше меня.

– Лучше вырубь мне посох.

Вершитель судеб усмехнулся:

– Не обольщайся, Мамонт! Путь Странника не всегда выводит к истине. Помню, с какой страстью ты ринулся в пещеры, и когда увидел золото, испытал разочарование. И сейчас, вкусивши горькой соли Весты, ты потянулся к сладости и решил, что истинные сокровища – это любовь и ничего больше. Верно?.. Не спорь со мной. Ты должен быть благодарен, ибо я не изменяю твоей судьбы, а выстраиваю перед тобой лестницу, выкладываю ступени, по которым ты поднимаешься вверх. Давно ли ты искренне верил, что «сокровища Вар-Вар» – золото, спрятанное в недрах Урала?.. Ступай же выше, тебе открыты все дороги!

Мамонт вспомнил миг, когда вознес руку, чтобы открыть Книгу Будущего, – и не открыл...

– Нет, – проговорил он. – Бессмертие – не мой путь.

– Да, конечно! – не скрывая своего неудовольствия, заговорил Стратиг. – Все время забываю, с кем имею дело! Ты же избранник! Вещий Гой!.. Извини, что нарушил твой урок!.. Но на сей раз выбор сделал не я. И не я оторвал тебя от беззаботного существования Страги Нового Света.

– Не ты? – вдруг настороженно спросила Дара. – Если не ты, то кто?

– Мне явился Святогор, – как бы между прочим обронил Вершитель судеб.

От упоминания этого имени Мамонт ощутил, как в душе сжалась пружина, будто взвелся курок. Тем более Стратиг, как опытный актер, тянул паузу.

– Имени твоего не назвал, – вновь заговорил он. – Но велел послать к нему Странника, который замерзал вместе с некой девицей под перевалом Дятлова. Я потратил две недели, чтобы установить, кто это там замерзал... И выяснилось: это был ты и девушка по имени Инга.

Дара вдруг оживилась, вскинула головку, несмотря на запреты, подала голос:

– Почему я об этом не знаю?

– А тебе и не обязательно знать, – огрызнулся Стратиг, сбитый с торжественного ритма – ведь говорил о Святогоре!

– Это почему – не обязательно? – возмутилась Дара. – Мамонт! Зачем ты скрыл от меня существование... этой девицы? Мог бы ведь и рассказать!

– Замолчи! – обрезал Стратиг. – Не мог он рассказать... Ты стала распущенной! Мамонт, я отдавал тебе самую воспитанную Дару! Что ты сделал из нее?

– И ты хочешь еще раз изменить мою судьбу? – со скрытым противлением спросил Мамонт.

– Этого хочу не я! – с вызовом бросил Стратиг. – Выбор Атенона почему-то пал на тебя...

– Я знаю почему, – подала голос Дара и тут же умолкла, поскольку Вершитель судеб навис над ней, словно каменная туча.

– Мне очень жаль, – однако же мягко проговорил он. – Я не могу изменить твой рок, Дара. Но вот урок у тебя будет совершенно иной. Избранник Валькирии тебя избаловал солью Знаний...

– Стратиг, если я не пойду с Мамонтом в Манораю, отпусти замуж. – Она тронула его усы и осветила своим вишневым взглядом. – Это был бы самый лучший урок для меня.

– Поедешь на Таймыр с сыном Людвига. Ты ведь знаешь его?

– Встречались однажды... Кажется, он ученый муж и очень сильный человек. И кажется, я сумела обольстить его.

– Кого ты только не сумела обольстить... – проворчал Вершитель судеб.

– С кем же я пойду в Манораю? – запротестовал Мамонт. – Ты не можешь отнять у меня Дару без всяких на то причин. Тем более что задаешь новый урок.

– Вот это я и хотел от тебя услышать, Мамонт! – оживился Стратиг. – Значит, ты согласен принять урок Варги?

– Если выбор Святогора пал на меня – я повинуюсь, – с внутренним напряжением вымолвил он. – Хотя ты знаешь, я всегда стремился к соли Знаний и был равнодушен к Вечности...

– Это неправда! – Стратиг приблизился к нему и посмотрел с вызовом. – А что ты делал в горах с этой девицей, когда вас увидел Атенон?

– Искал вход в пещеры.

– Путь к Весте?

– Да.

– Соль Знаний для гоя – это и есть Вечность, – удовлетворенно улыбнулся Вершитель судеб, сам всю жизнь стремившийся попасть в соляные копи Урала. – А теперь ступай к Звездной Ране. И поспеши. Сейчас там находится гой по имени Зимогор. Такой же утративший память, как сын Людвига. Сегодня еще застанешь его в Манорае. Завтра может быть поздно. Приведи его в чувство, пока он не сделал того же, что Насадный на Таймыре.

Потом остановился возле Дары, лежащей на волчьей шкуре, поставил ее на ноги, подтолкнул в сторону Мамонта.

– И ты ступай пока с ним... Но помни свой новый урок.

4

Начальник партии срубил себе домик на отшибе, в километре ниже горнобурового участка на границе леса и альпийских лугов, под грибообразным останцем. Вписал избушку под прикрытые каменной шляпы, так что и крышу не делал, поставил окнами на просторную манорайскую даль, чтобы сидеть или лежать можно было, как перед экраном телевизора.

– Здесь мне нравится, – сразу же одобрил Зимогор, как только появился на участке. – Сдай на лето?

– Ангел прилетал, сделал предписание снести, – пожаловался Ячменный. – Говорит, из космоса видно...

– Под каменной шляпой?!

– Тропинка натопталась...

Из космоса давно наблюдали за этим районом, говорят, сосчитали не только людей, обитающих вокруг Манораи – в самой впадине давно никто не жил и стояли одни брошенные села, словно в зоне радиоактивного заражения, – но, по словам Ангела, даже пуховых коз. Пересчитали и теперь вели пристальное наблюдение, придавая каждому объекту какой-нибудь номер, чтобы отслеживать передвижение. В этом квадрате, расположенном на территории Горного Алтая, изучали всякое изменение обстановки, немедленно брали под контроль даже новую вскопанную грядку. Сверху, как дамоклов меч, висели невидимые спутники «вероятного противника», хотя от такого определения официально давно отказались, показывая открытость и готовность России к любому диалогу.

– Ну, где этот спирт? Остался еще или весь оприходовали? – спросил Зимогор, вернувшись с прогулки по Манорае.

Ячменный сунулся за командирский стол и вынул тяжелый пакет с бутылками.

– Вот, здесь все, что успел отнять...

Зимогор снял с полки стакан, отер его пальцами и, раскупорив пластмассовый сосуд, плеснул щедро.

– Похмелись, бедолага. И поговорим.

– Один не буду, – со жлобским упрямством сказал начальник партии и бережно отодвинул стакан.

– У тебя сознание заторможено. Выпей, и давай по душам. Вижу, что мучаешься. Не удержался от дармовщинки?

– С горя, Олег Павлович...

– Вот и расскажи про свое горе.

– Впрочем, теперь все равно, – сам себе сказал начальник партии и отхлебнул спирта. – Делайте, что хотите... Под суд не отдадите, не то время, а я все равно выкручусь.

– Не сомневаюсь. Обязательно выкрутишься, – согласился Зимогор. – Потому говори: откуда взялся спирт? Кто вам такой подарочек подбросил, с закуской? Из космоса на парашюте или местные привезли?

– Народ тут странный, чудаковатый... Но не местные.

– В таком случае, один из... членов твоей партии спутался с иностранной разведкой, – определил Зимогор. – Например, завхоз Величко, этот ваш Циклоп. Завербовался в диверсанты, забросил спирт вместо взрывчатки, а пьяные бурильщики засадили аварию на скважине и испортили электронику. Подходящая версия?

– Ее, заразу, испортить-то невозможно... – пробурчал в сторону Ячменный. – Если только действительно ломом... Да и не в спирте дело...

– Ну а в чем?

– Не знаю, – устало проговорил начальник партии, – но если бы только спирт нам забросили...

– Что же еще? Колись! Красоток с панели?

Бывший служака помедлил, тупо глядя перед собой на отпитый стакан, затем поднял глаза.

– Выпили бы со мной. А так, какой резон? Для пустого доклада начальству?.. Если хотите разобраться – пейте. Тут без «Рояла» не разберешься.

– Это верно. – Зимогор достал еще один стакан. – Стресс на каждом шагу... Например, снежные человеки вокруг балуют!

– Вот суки! – зло и весело сказал Ячменный. – Уже доложили. Настучали! Ну как с таким народом работать?

– А чего ты скрываешь? Это же феномен, представляет научный интерес...

– Это был мой аргумент. Для тебя и... для вышестоящих. Чтоб вы не думали... Мы не просто тут спирт жрем и по пьянке совершаем аварии. Здесь особый климат, среда. Вернее, сопротивление среды. Не только с техникой, с людьми во что происходит. С чего это массовые заболевания появились, когда бурить начали? Компьютерщик до того не жаловался, а завхоза вообще колом не убить было. И еще солдат, недавно призван, прошел все комиссии...

– Не все же заболели.

– В том-то и дело! – Ячменный ощутил поддержку. – С одними хоть бы что, наоборот, улучшение здоровья, самочувствия... А другие... Вон завхоза Балкина мужики сначала даже не узнали, стал от людей прятаться, появилась мания чистоплотности, через каждые два часа умывается, бреется, дезодорантом прыскается... Потом вообще сбежал.

Зимогор в одиночку махнул полстакана, запил водой из ковша и облегченно вздохнул.

– Тут прямоходящих зверей не водится? Или медведей...

– Одного все время видят, на овсы ходит...

– Кто?..

– Медведь... Здоровый, старый.

– Так это медведь?.. А мне почудилось, человек. Стоит в траве и на меня смотрит.

– Любопытный, и ничего не боится. Его мусорщик несколько раз стрелял – промазал...

– Ладно, давай про людей говорить, – прервал Зимогор. – Ты мне выдай несколько версий, я подумать должен. Мне в первую очередь голову станут откручивать, так буду знать, что врать. Ври, Ячменный, я слушаю очень внимательно.

– Напрасно вы так, – обиделся начальник партии, однако же налил спирта по рубчик. – Мне в самом деле нечего терять... На трезвую голову сей разговор не выйдет. Вы же работали главным геологом экспедиции...

Зимогор налил себе еще, накрыл стакан ладонью, зажал его и чокнулся по геологическому обычаю, без звона, как камень о камень.

– Будь здоров, горемыка!

Ячменный выпил, отдышался, закуску и воду отодвинул.

– По инструкции я всегда присутствовал во время спуско-подъемных операций на скважине. И керн лично выколачивал из колонковой трубы, сам его потом запаивал в полиэтилен, каждый кусочек, как сосиски, в ящики укладывал и бирки подписывал. Все как положено.

– Молодец, и что же дальше? – поторопил Зимогор.

– Ящики при мне уносили в кернохранилище, я лично запираю и опечатывал. Печать сдавал начальнику караула. Там круглосуточный пост.

– Хочешь сказать, керн пропал?

Начальник партии попил воды.

– Не пропал, но его подменили. А печать целая. Часовые клянутся и божатся...

– Ты хоть понимаешь, что сказал? – спросил Зимогор.

– Потому и сказал, что понимаю! – внезапно взъярился начальник партии. – Подброшенный спирт – мелочь! Авария на скважине тоже!.. Хотя все это вещи одного порядка. Каким образом и кто умудрился подменить шестьсот метров керн?! Это сто тридцать ящиков! Целый грузовик! Ведь надо незаметно доставить сюда, вскрыть хранилище, вытащить из ящиков имеющийся керн и вложить другой. Да еще запаять его в черный светонепроницаемый пластик! И еще точно расставить бирки!

– А ты уверен, что его подменили?

– Да как же!.. Я принимал керн, запаивал, укладывал – каждый метр помню. Набуривали-то не больше трех в сутки. Породы крепчайшие, одиннадцатой-двенадцатой категории... Но тут у меня есть козырь: он сам виноват, что вовремя не вывез керн!..

– Кто – он?

– Заказчик!.. Мог бы время от времени присылать вертолет и вывозить. А он даже не почесался! На охрану понадеялся!..

– Зачем и на что бурил – знаешь? – перебил его Зимогор.

Ячменный недовольно отвернулся, пробурчал:

– Откуда?.. Нам когда-нибудь говорят, зачем? Сказали только, опорная скважина, строжайшая отбивка всех горизонтов, использование технологий, дающих максимальный выход керн. И чтоб ни кусочка не пропало. Потому сам и торчу на буровой... Могу только догадываться.

– И какие же догадки?

– Хрен знает... Думаю, какую-нибудь ракетную шахту хотят заложить. А может, атомную электростанцию. В прошлом году я бурил...

– Это хорошо, что ты недогадливый, – одобрил Зимогор. – Ладно, будем считать, что под воздействием алкоголя у тебя разыгралось воображение... Керн подменить невозможно.

Начальник партии вскочил, чуть не опрокинув стакан, хотел прокричать что-то возмущенное и гневное, однако сжал кулаки и выдал угрозу:

– Что-то я не понял... Настроение у вас странное, Олег Павлович.

– Сам подумай, послушай себя со стороны, что мелешь.

– Какой мне смысл наговаривать на себя? – Ячменный выпучил глаза. – Пьянка – фигня, инструмент к забою приварили и скважину запероли – с работы пнут в худшем случае. В конце концов осталось-то всего каких-то четырнадцать метров до проектной глубины... А вот пропаша настоящего керн – тут сроком пахнет. Я! Я сам обнаружил подмену! И вы первый, кому об этом говорю.

Зимогор примерился было выпить спирта, однако передумал, отставил стакан.

– Ты хоть соображаешь, что говоришь?

– Если нет керн – чуть ли не полугодовая работа псу под хвост...

– И четыре с половиной миллиона долларов... Пошли в кернохранилище!

Металлический вагон на стальных колесах с резиновыми ободьями напоминал сейф и запирался на два внутренних сейфовых замка. Часовой с автоматом и радиотелефоном в руке разгуливал возле железных ступеней под жестяным навесом, с маскировочной сети оседала густая водяная пыль: летний ливень превратился в осенний дождь. Внутри хранилища было тесно от ящиков и темно: по соображениям пожарной безопасности электричество сюда не подводили. Начальник партии закрыл за собой дверь, включил фонарик и уверенно двинулся к дальней стене по узкому проходу.

– Вот, смотрите, – указал он на крайнюю стопу ящиков. – Породы очень похожи на местные, и чередование горизонтов примерно одинаковое – лавы и прослойки туфов. Короче, область активной вулканической деятельности. Но это все из другой оперы... Понимаете, у меня великолепная зрительная память. Первые девять метров не тронули, а с десятого – чужая порода. Но как умно составлены куски! Мягкий туф в колонковой трубе растерли слегка и сле-

дующий столбик лавы будто приклеили. И запаяли в одну сосиску!.. А я точно помню, на семнадцатом метре шел не монолит, а брекчиевидная лава, с оплавленными вкраплениями кварцита и каких-то осадочных пород типа известняка или слабосцементированного песчаника.

– Какая документация есть на скважину? – спросил Зимогор, рассматривая столбики керна.

– Как обычно, только буровой журнал с глубинами. А геология у нас под запретом, вы же знаете. Вам и то смотреть не положено. А нам и подавно. Выбили из трубы, запаяли – и в ящик. Геологией занимаются где-то там, на небесах.

– Значит, ты нарушил инструкцию и рассмотрел каждый метр?

– Мне что, надо было глаза завязывать?! Хорошая зрительная память... Я же их своими руками принимал, как акушер младенцев. И пеленал...

– Ты мне нравишься, Ячменный, – похвалил Зимогор. – Из тебя бы хороший геолог получился или следователь. Выходит, кто-то украл весь керн со скважины и подсунул другой?

– Не выходит, а так и есть. – Начальник партии сдвинул верхние ящики из соседней стопки. – Вот, сто шестнадцатый метр. Бирка моя, есть роспись, но вместо монолитной лавы какой-то слоеный пирог, сэндвич, но тоже вулканического происхождения. И такая несбойка почти на каждом метре. А вот керн последнего подъема, перед аварией. Здесь лежала бутылка из-под фанты, с песком. Где она?.. Вместо нее – смотрите, монолитный столбик лавы.

– А что за песок был?

– Не знаю, черный такой, как порох, из колонковой трубы выбили. Ссыпали в бутылку, а ее нет...

– Кругом у тебя одни бутылки, – проворчал Зимогор, но начальник партии гнул свое:

– Конечно, проверить очень просто, допустим, пробурить рядом еще одну скважину и сравнить. И все станет ясно – была подмена или нет.

– Да кто на это пойдет?! – оборвал его Олег. – Хватит фантазировать! И так уже полгода торчите на горе под сетями, как бельмо в глазу! И кто деньги даст?

– Значит, расчет у них точный, – тут же согласился Ячменный. – Вторую скважину бурить не будут. А эту не добурили на четырнадцать метров до заданной глубины и запероли. Так что и аварию ликвидировать вроде бы нет нужды. Ну что там четырнадцать метров?..

– У кого это – у них? Чей расчет? Снежных человек?

– У того, кто решил не пускать нас дальше, то есть глубже. И подбросил ящик со спиртом, чтобы начальство, то есть вы, все списали на пьянку. Может, и снежные...

– Ты это Ангелу только не скажи! Он тебя сразу в дурдом наладит.

– А я, между прочим, знаю, откуда этот керн.

– Знаешь?

– Знаю... Все сходится. Как увидел этот – сразу вспомнил.

– Откуда же?

Ячменный придвинулся поближе.

– Тогда я перед вами должен все до конца... В общем, открою еще одно свое наблюдение. Но при условии, если вы серьезно к этому отнесетесь.

– Валяй! С одним моим условием: это последнее открытие на сегодня, – пробурчал Зимогор устало, – и так уже перегрузили...

– Понял, не хотите заниматься этим? – спросил начальник партии. – Легче все списать на пьянку? Правильно, списывайте. Всем будет спокойней... А я на вас надеялся, Олег Павлович. Думал, только вы и сможете разобраться. И мужики так думали...

– Ну, давай, выкладывай свое наблюдение...

– Вы же не хотите слушать, я вижу!

Зимогор закурил, постоял у окна, глядя на вечернюю радугу, пробивающуюся сквозь маскировочную сеть, бросил не оборачиваясь:

– Кончай ломаться, говори!

– Только выслушайте меня!

– Да говори же!..

– Я знаю, откуда, из какого района привезли этот керн, который теперь в хранилище.

Точнее, предполагаю.

– Откуда?

– С Таймыра.

– Ого! Далековато от Горного Алтая!..

– Был там на преддипломной практике, в восемьдесят восьмом, – быстро заговорил Ячменный, – кажется, в начале июля у нас на станке полетела лебедка. И мы поехали на вездеходе рыскать по брошенным буровым. Когда-то жили богато, трактора, автомобили, вышки, вагончики – все целенькое стоит... Добра столько набрали – самим сесть некуда. Стали выбираться назад и заблудились. Сутки, вторые, третьи ползаем по тундре, а она ровная, как ладошка, и тысяча озер. Куда ни двинем – все мимо. Закрутились между озер! Ладно я, студент, но со мной были еще двое, мужики матерые, битые, лет по пятнадцать в экспедициях работали, и на Таймыре уже года два. Но будто леший водит! Хорошо бензином затарились, три бочки нашли. Трофеи свои пришлось бросить... Неделю блудим, голодные, злые. Одной рыбой питались, а без соли она уже в глотку не лезет... Ни ружья, ни компаса, все по солнцу... И как назло талабайцев – ни одного!

– Талабайцы – это кто? – мимоходом поинтересовался Зимогор.

– Долгане, местные националы... А нас даже не искали! Денег на вертолет ни копейки!..

Через неделю заметили сопки на горизонте. И вроде дым идет. Тут уж не до жиру, главное, хоть людей найти... До сопки этих ехали целые сутки: мы к ним – они от нас. Как мираж! Я тогда еще заметил, у нашего вездеходчика Леша крыша поехала. Сначала песни запел, потом стал смеяться... Ну, в общем, доехали до сопки, поднялись на одну, а в долине речка и город стоит. Натуральный – дома, улицы... Ближайший город там был Норильск, и до него – полторы тысячи километров, к тому же в стороне, на западе. Ясно, что не Норильск, да и размерами меньше, но вездеходчик уперся: Норильск, кричит... У него там семья жила. И нас убедил, потому что у всех крыша немного съехала... Помчались мы к этому городу, мечтаем, как в ресторан пойдем, хотя денег ни копейки... А он тоже, как мираж! Насилу добрались!.. Въезжаем мы в город, и чую, что-то не то. Улицы, как улицы – асфальт, тротуары, вывески и дома каменные, даже пятиэтажные есть. Автобусные остановки, газетные киоски, машины стоят. А посередине города – огромный купол из стекла! Сверкает на солнце – глазам больно. Что-то такое нереальное, как будто на другую планету попали. Гигантское сооружение!.. И чего-то не хватает! До центра доехали, то есть до этого купола, и тогда сообразил – людей нет. Пусто! И под куполом этим – ни души!.. Вездеходчик выскочил и побежал домой, к жене. Дом свой узнал... Мы сидим, часы остановились давно. Курить охота – страсть! Мастер пошел окурки поискать, а мне страшно стало – мертвый город! Брошенный! Ни души!.. По асфальту лишайник ползет, голубоватый, как на камнях бывает, машины ржавые, на спущенных колесах, стекла треснутые, стены давно не крашенные. Но солнце яркое, огненное, и свет все скрашивает... Возвращается мастер, курит на ходу, довольный, но озирается и тащит что-то в сумке. Говорит, газетный киоск подломил, сорок пачек «Беломора» взял, а пожрать там нечего, но, говорит, магазин приметил, в девять открывается и на витрине тушенка, сгущенка и даже спирт стоит...

– Не «Роял», случайно? – про себя усмехнулся Зимогор, однако начальник партии ничего не заметил, продолжал говорить страстно, и его обнаженные по плечи руки покрывались мурашками.

– Наш, отечественный, натуральный! Помните, был с белыми этикетками и надписью «Пить не дыша»?.. Я ему говорю, Леонид Иванович, город-то пустой! Мертвый! Он не слы-

шит, на спирте замкнулся. Дескать, ночь на дворе, нормальные люди спят. Солнце не заходит на ночь, висит над горизонтом... Стал уговаривать, чтобы сходить и подломить магазин, мол, окошко там щитом прикрыто, а за ним – стекло, выставить его и меня всунуть... Я тогда худой был, да и после голодухи – кожа и кости. Трясу его, ору – мне еще страшнее стало; он так и не внял, отматерил меня и пошел в одиночку. Пока он лазил в магазин, я «Беломор» изучил и газету, которую мастер в киоске прихватил. Папиросы ленинградской фабрики, аж восемьдесят четвертого года выпуска, а газета «Правда» – от 19 февраля восемьдесят шестого. Двухлетней давности!.. Тут вернулся Леонид Иванович, уже слегка косой, принес десять бутылок и полящика банок с тушенкой... Я опять ему про мертвый город, а он через три минуты лыка не вяжет. Уснул как подрубленный. Хлебнул на голодный желудок...

– Погоди, Ячменный, – перебил Зимогор. – Ты вроде бы начал говорить о керне, но слышу пока сказки.

– Это не сказка, Олег Павлович... Это моя тайна. Никому не рассказывал...

– Мы уже взрослые люди... Так что с керном?

– Да мы стояли-то возле здания экспедиции, номер 17. Пошел в разведку, – зашептал Ячменный с тоскливым видом, – ждал, когда мастер проспится... Там огромное кернохранилище, потом я туда вездеход загнал, как-то страшновато стоять в мертвом городе... Вообще-то я искал радиостанцию, чтоб сообщить, где находимся... Радиорубку нашел, но аппаратура снята. А так все на месте, мебель, телефоны, бумаги, только все покрыто тленом, везде запах мертвечины... И карт нет, видно, секретные были, номерная экспедиция...

– Залез ты в кернохранилище, а дальше что?

– Три дня там простояли! Мастер все спирт жрал!

– Хорошая у тебя была практика...

– Очень схожие породы, – невзирая на издевки продолжал Ячменный, – с этими, что здесь! Туфы и лавы... Иногда один к одному! Структура, текстура, цвет, твердость...

– Как же ты запомнил?

– Говорю же, зрительная память... Три дня по ящикам ползал, пока стояли. А тогда мне еще интересно стало, что за город, на что экспедиция работала, почему бросили...

– Из тебя бы действительно вышел классный геолог, – посожалел Зимогор. – Зачем ты связался с бурением?

– По нужде, – вдруг признался тот. – Я сдавал экзамены по специальности «Геология и поиски», но по конкурсу не прошел. Успел перебросить документы на «Технику разведки», там проскочил...

– Предположение интересное, – не сразу отозвался Зимогор. – Но не реальное. Сам ты как это представляешь?

– Никак, – вдруг отрезал Ячменный. – Я излагаю фактуру. И несу ответственность за свои слова. А вы проверяйте, доказывайте...

– Я не уполномочен вести никакие проверки. А всякая инициатива у нас наказуема, ты же знаешь. И стоит больших денег. Меня прислали разобраться с аварией, потому что главный инженер в отпуске, а главный геолог болеет. Некому спасать честь экспедиции.

– Но мне же никто не поверит, кроме вас!.. – закричал и осекся Ячменный. – Тогда тоже не поверили...

– Когда?

– Да там, на Таймыре!.. Мастер спирт лакал – не просыхал, вездеходчик вообще пропал. Трое суток я проторчал в мертвом городе! Леху поймал, а он уже был полный идиот, улыбался и говорил, что останется с семьей и никуда не поедет... Загрузил я Леонида, сел за рычаги сам и куда глаза глядят... На четвертый день бензин кончился. Я весь спирт в бак залил и еще сутки ехал, пока двигатель не заклинило. Мастер проспался, хватился, выпить уже нечего, а было двенадцать ящиков... Чуть не убил меня, в тундре скрывался, пока Леонид Иванович в

себя приходил. Потом встретили талабайца на оленях, тот показал, где геофизическая партия стоит. Вышли к ним пешком, а оттуда кое-как к своим улетели. Мастер предупреждал, чтоб не говорил правды, но я все рассказал, как было. Не поверили, списали все на пьянку...

– Правильно сделали, – проговорил Зимогор, раздумывая.

– Ладно, вот смотрите своими глазами. – Начальник партии выложил полевую книжку геолога, прошнурованную и опечатанную, что говорило о ее секретности.

На титульной странице значилась фамилия – Грешнев А.К., старший геолог участка, и дата – 6 мая 1984 года. Далее шло обыкновенное полевое описание керна – документация скважины 21 от нуля до трехсот тридцати метров.

– Смотрите здесь, Олег Павлович, – ткнул пальцем Ячменный. – Единственная географическая привязка – река Балканка.

– Любопытное название...

– Нет такой реки в природе. На Таймыре есть река Балганка, точнее, даже речушка, отсутствующая на картах.

– Это пока ни о чем не говорит, – начал было Зимогор, однако начальник партии откинул заднюю корку книжки и достал черно-белую фотографию любительского качества.

– Вот этот город! Полюбуйтесь!

На фоне серых двухэтажных домов стоял человек в штормовке с таким же серым бородатым лицом. А за его спиной, вдали, поднималось гигантское, какое-то инопланетное сооружение – стеклянная сфера...

– Это может быть любой другой город, – не сдавался Зимогор. – А потом, мне бы разобраться со скважиной в Горном Алтае, а не на Таймыре.

– А вы почитайте описание керна! Один к одному с тем, который нам в ящики подбросили.

Зимогор открыл последнюю страницу полевой книжки и заметил надпись, сделанную другим почерком – размашистую, начальственную, – подошел к окну и прочел: «Анатолий Константинович, вы геолог, а не участковый врач, пишите разборчивее. С. Насадный».

В геологических кругах был известен лишь один человек с такой фамилией – питерский академик Святослав Людвигович Насадный, самый крупный в мире специалист по астроблемам...

Открытие таймырских алмазов, их содержание на тонну породы и запасы потрясли воображение всех, кто слышал эти цифры. Возникла реальная возможность прорваться и захватить мировой рынок, но не с ювелирными камнями, а с техническими, голод по которым ощущался все сильнее, особенно со стремительным развитием новейших технологий. Серый, невзрачный алмаз становился дороже кристаллов чистой воды, ибо требовался повсюду – от простого надфиля до металлообрабатывающих станков высокой точности, а искусственные камни оказывались некачественными и слишком дорогими.

Тут же, в короткий срок, можно было стать монополистом и вытеснить «Де Бирс», выбрасывая на рынок технические алмазы не в тысячах карат, а в центнерах.

Но все уперлось в Божественный промысел: требовалось отделить зерна от плевел, алмаз от вмещающей породы. Большеобъемная проба, отправленная самолетами в Мирный на алмазную фабрику, принесла горький результат: имеющаяся техника извлечения драгоценного камня абсолютно не годится для добычи, а ничего иного в мире нет и пока что не предвидится. Несколько оборонных КБ взялись за разработку оборудования и технологии, однако очень скоро посчитали, прослезились и забрели в тупик. В любой момент месторождению могли вынести приговор – законсервировать на неопределенный срок, а всем, кто мечтал вышвырнуть с мирового рынка «Де Бирс», наказали вести себя с этой компанией корректно и вежливо, иначе, мол, не продадим и якутские алмазы.

Насадный в те времена ходил мрачный и злой: получалось, что действительно, кроме зубила и молотка, нет больше инструмента для добычи. И от отчаяния, сидя на Таймыре, стал выписывать литературу со всего мира, выбирая из нее все, касаемое разрушения крепких породных масс. Однако самый подходящий способ нашел случайно и у себя дома: в экспедицию приехал геолог, который в студенчестве работал в Томском НИИ высоких напряжений. Оказалось, там какой-то местный ученый-чудотворец давно изобрел электроимпульсный способ бурения скважин и даже шахт, но сидит без дела, поскольку вроде бы никому этого новшества не надо, а заявить широко об изобретении невозможно: все материалы засекретили.

Жуткого матерщинника, скабресника и бабника Ковальчука академик в прямом смысле выписал из Томска, как раньше выписывали гувернеров из Франции. Тогда еще ему было все позволено и исполнялась всякая воля, если даже она исходила от мизинца левой ноги. Изобретателя срочно перевели из института в номерной город на Таймыре (название Астроблема использовалось для узкого круга). Ковальчук приехал с тремя листочками расчетов и одной статьей, так нигде и не опубликованной. Однако же в течение месяца он собрал из добытых в Норильске конденсаторов генератор импульсных напряжений, самолично сварил породоразрушающий инструмент – эдакого стального паука – и начал долбить алмазную руду. В перерывах между экспериментами соблазнял и обихаживал поселковых женщин, нарушая сухой закон, пил казенный спирт, отпущенный со склада для протирки медных шаров-разрядников в генераторе, и блистал перед прикомандированными к нему учениками научной терминологией.

– Эту хреновину, – объяснял он, – привинтим к этой херовине через изолятор. Потому что это мальчик и девочка. Нельзя допускать любовного контакта. Затем пропустим напряг и ударим по каменюке. Дальше или он пополам, или она вдребезги!

Несмотря на эту страстную, неумную стихию, у Ковальчука начало получаться. По крайней мере способ разрушения твердых, монолитных пород был найден, однако вместе с ними все еще дробился алмаз, а вытаскивать его следовало целеньким, ибо мировой рынок давно определил цены на алмазную пыль, на крошку и на камешки в натуральной форме. Подолбив несколько месяцев подряд лавовые глыбы всухую, Ковальчук стал искать среду: дробил руду в воде, в керосине, в трансформаторном масле и даже в глицерине, однако так и не достиг положительного результата. Зато результат обнаружился в другом: семь одиноких женщин в поселке забеременели, и экспедиционный профком получил семь заявлений, в которых будущим папой назывался ученый муж Ковальчук и говорилось о том, что теперь молодой семье требуется отдельная квартира. Едва услышав об этом, изобретатель с помощью своей очередной возлюбленной из отдела кадров добыл трудовую книжку, ушел пешком по тундре за семьдесят километров на ближайшую фабрику и улетел оттуда самолетом на материк.

Больше его никогда на Таймыре не видели.

Но зато остался плод его удивительного, гениального ума: принцип разрушения сверхтвердых пород, на котором теперь можно было изобретать и строить установку, и искать среду, в которой бы при разрыхлении породы алмаз не дробился. Осталось пятеро учеников, боготворивших бежавшего кумира, и еще набор словесных оборотов и выражений, например, «протереть шары» – то есть выпить...

Идея извлекать алмазы электроимпульсным способом в газовой среде у Насадного возникла, когда он увидел, как варят аргоном нержавеющей сталь. Два месяца он сидел в лаборатории, подбирая соотношения целого букета газов, пока не отыскал оптимальной пропорции и случайно не открыл принципы их ионизации.

В этом, как он считал, и заключался секрет его «ноу-хау»...

Когда установка была полностью готова, испытана и на столовском подносе лежала куча извлеченных алмазов, академик пригласил государственную комиссию. Это был уже восемьдесят шестой год, все ждали перемен, обновления и радости. Однако комиссия не аплодировала, на все внимательно посмотрела, указала на недоработки, все строжайше засекретила и удали-

лась, вручив вторую звезду Героя. Авторы у изобретения было двое, но Ковальчука разыскать так и не смогли, чтобы наградить орденом Ленина и Ленинской премией, хотя и подавали во всесоюзный розыск.

Еще в течение двух месяцев Насадный устранял недоделки и производил перерасчеты, и вот наконец с готовым проектом, выполненным в единственном экземпляре, в середине апреля восьмидесят шестого года академик вылетел в Москву. На Таймыре еще стояла глухая метельная зима, хотя на небосклоне к полудню появлялось солнце, и когда разбегались тучи, край белого безмолвия сверкал и переливался, вышибая слезы из глаз.

Можно было заказать спецрейс – бывало, что возили даже на военных самолетах с дозаправкой в воздухе, но Насадный спешил, поскольку получил от дочери телеграмму; она вышла замуж за канадца, с которым познакомилась, когда Святослав Людвигович несколько месяцев работал в Северной Америке по приглашению их Академии наук: большая часть метеоритных кратеров на земле была найдена в Канаде. Он рассчитывал выкроить хотя бы три свободных дня, но как всегда по закону подлости на Сибирь надвинулся мощный циклон и в Латанге тормознули рейс чуть ли не на сутки.

Тогда еще было безопасно передвигаться по стране с большими деньгами, с алмазами, со сверхсекретными документами без всякой охраны, и потому академик спокойно коротал время в аэропорту, отдыхая в кресле зала ожидания. Тараканы так и не выводились, и песню «Надежда» теперь включали всякий раз, как только закрывался аэродром по метеоусловиям; все это отдавало уже ностальгическими воспоминаниями. Неожиданно он поймал на себе взгляд необыкновенно красивой молодой женщины в оленьей дошке и мохнатой волчьей шапке. Она будто позвала его глазами, и горячая, полузабытая волна чувств вдруг окатила голову и сердце. Академик едва сдержался, чтобы тотчас же не вскочить и не подойти к ней.

Он отвернулся и стал убеждать себя, что этот зовущий взгляд ему почудился или женщина смотрела на кого-то другого, может, на любимого мужчину, находящегося где-то за спиной Насадного: такие барышни в Заполярье никогда в одиночку не путешествуют. Выдержав несколько минут, он непроизвольно поискал ее глазами в толпе и обнаружил, что женщина стоит еще ближе и теперь уже явно глядит на него с легкой, затаенной улыбкой. И получилось как-то само собой – седина в бороду, бес в ребро! – солидный, трезвомыслящий академик неожиданно подмигнул ей и сбил шапку на затылок.

Женщина приложила пальчик к губам, и сквозь бесконечный человеческий гул, заполнивший пространство аэровокзала, сквозь вой снегоуборочных турбореактивных машин на улице он услышал сокровенное и тихое:

– Тс-с-с...

Или показалось?..

А она вдруг пропала в шевелящейся толпе, исчезла, словно призрак, и во взволнованной душе Насадного остался ее пушистый и знобящий, как морозный узор на стекле, след-образ. Пожалуй, около получаса академик высматривал ее в зале, затем бездумно, легкомысленно оставил занятое кресло, сумку с документами и столько же бродил среди человеческой массы, обряженной в звериные шкуры, потом вышел на улицу и здесь немного протрезвел.

Когда же вернулся назад, место оказалось занято: толстый бородач сидел в кресле и держал сумку с секретными документами на коленях.

– Здесь занято! – грубо сказал академик и отнял сумку. – Освободи место.

– Пожалуйста, – сразу же встал бородач. – Присел на минуту, ноги отваливаются...

Академик проверил застежки на сумке, убедился, что ее не открывали, и угнездился в кресле, накрывшись дубленкой. И в этот миг увидел женщину! Только сейчас она была не одна – с мужчиной в точно такой же дошке и шапке. Они медленно двигались сквозь толпу и кого-то искали...

Насадный усмехнулся про себя, вспомнив недавние дерзкие, сумасшедшие мысли и надежды, встряхнул головой, насадил шапку на глаза и подтянул к носу полу дубленки: почему-то было горько и стыдно за этот призрачный, безмолвный монолог с чужой женой. Будто в карман ее мужу залез и стащил трояк...

Он постарался все забыть, насильно заставляя себя думать о вещах серьезных и важных, однако в сознании возникла какая-то черная дыра, где пропадали мысли о госкомиссии и научно-технических экспертизах «Разряда».

Перед глазами стоял морозный узор, в ушах или голове звучало сокровенное:

– Тс-с-с...

Он встряхнулся, сбросил шапку, дубленку и сел прямо: женщина и мужчина все еще пробирались сквозь толпу и, кажется, держались за руки, чтобы не потеряться.

В Латанге посадили уже три транзитных рейса – из Анадыря, Тикси и Чокурдаха, народу было достаточно, и каким прилетели эти люди, откуда – установить невозможно. Ничего в них, кроме очарования женщины, особенного не было – таких утомленных и молчаливых полярных скитальцев в дохах и унтах сколько угодно по Арктике: может, зимовщики со станции, метеорологи, ветеринары из оленеводческого колхоза, не исключено – коллеги, геологи одной из партий, которые во множестве рыщут по Арктическому побережью.

Все бы так, коль не заметил бы академик взгляда мужчины – пристального, воспаленного, с прикрытым внутренним огнем, и очень знакомого!

Потом они разошлись, на какое-то время исчезли среди люда и появились вновь с разных сторон. Мало того, академик уловил закономерность движения незнакомцев; они ходили кругами, постепенно суживая их, и тщательно, откровенно рассматривали всех пассажиров. Изредка встречались вместе, о чем-то говорили и вновь расходились – определенно кого-то искали в толпе.

Насадный вспомнил о сумке, незаметно затолкал ее ногами, забил под кресло и, прикрыв лицо шапкой, изобразил спящего.

Но странное дело – чувствовал их приближение. И когда показалось, что они уже рядом, резко сбросил шапку и поднял голову...

Этой тревожащей воображение пары вообще в зале не оказалось.

Он мысленно еще раз посмеялся над собой, отметив, что мнительность – первый признак старости, снова прикрыл лицо и в самом деле задремал.

И вдруг услышал у самого уха:

– Проснись, Насадный, замерзнешь.

Ему почудился голос Михаила Рожина, который в это время сидел в Москве как полпред. Никто другой не мог допустить такой фамильярности...

«Надежду» крутили сороковой раз...

Академик открыл лицо – полярник в оленьей дохе сидел рядом на освободившемся месте.

– Это вы мне? – спросил он недружелюбно.

– Кому же еще? – усмехнулся незнакомец. – Здравствуй, Насадный.

– Я вас не знаю.

– И не должен знать. Мы видимся с тобой впервые, – был ответ. – Впрочем...

– Что вам нужно?

Академик никогда себя не афишировал, не выставлялся на досках почета, не давал интервью ни газетам, ни телевидению: работа под секретными грифами исключала всякую его известность, тем более в аэропортах.

– Впрочем, нет, – тут же поправился тот. – Была одна встреча. Но мы виделись всего несколько секунд.

Человек посмотрел в глаза: покрасневшие его белки говорили о долгой бессоннице или о сильном внутреннем напряжении.

– Совершенно вас не помню, – вымолвил Насадный.

– Нет, ты помнишь. Много лет назад сидел вон в том кресле, так же ждал рейса и однажды случайно наступил мне на руку. Эта песня тогда тоже звучала...

Святослав Людвигович внутренне содрогнулся, непроизвольно посмотрел себе под ноги.

– Помню. Такое было... Хотите, чтобы я извинился?

– Не за что, Святослав Людвигович, – упредил незнакомец. – Я сам подsunул руку под твою ногу. Сделал это умышленно.

– Не понимаю... Зачем?

– Чтобы сейчас была причина подойти к тебе, напомнить и привлечь к себе внимание. Ты никогда не останешься равнодушным к мальчику, которому по неосторожности наступил на руку.

Насадный помолчал, стараясь осмыслить логику поведения этого человека, но убедительных объяснений не нашел.

– Но тогда... Я вам не представлялся, не называл имени. Да и вы были еще подростком.

– Это совсем не обязательно. И тогда, и сейчас я уже все знал о тебе, академик.

– Не слишком скороспешное утверждение? – наливаясь холодом, спросил Святослав Людвигович.

Тон полярника не был ни развязным, ни фамильярным; в нем слышалась сильная мужская натура, власть и, как ни странно, товарищеское участие. Привыкший работать среди разных людей из мест самых немислимых, имеющий отличный музыкальный слух, Насадный всегда точно улавливал особенности речи – говор, произношение и акцент, и безошибочно определял, откуда прибыл тот или иной человек. В речи этого незнакомца шероховатости замечались, но ранее неслышимые и лишь отдаленно напоминающие белорусский, полесский акающий говор, но без твердого «ч» и мягкого «г».

– Хочешь послушать все о своей жизни? – задумчиво улыбнулся незнакомец и, сняв шапку, пригладил короткий белесый ежик. – Пожалуйста, искатель Звездных Ран. Начну с момента, когда в тебе утвердилась и созрела душа: блокадный Ленинград, голодный и гордый мальчик...

– Увы, так не бывает, – печально произнес Святослав Людвигович.

– Почему же, Насадный? Потому, что ты поживший, зрелый человек?

– Да уж, не мальчик... И вряд ли бы сейчас людоеды отняли валенки.

– Отнимут, академик. Сначала ощупают, как в прошлый раз, проверят, есть ли на тебе мясо, и если тебя невозможно съесть, повалят на снег и оставят босым... И ты снова будешь сидеть и замерзать на занесенных трамвайных путях...

Святослав Людвигович помолчал, огляделся – красивой женщины, спутницы полярника, было не видно...

– Где же ваша... жена? – спросил он.

– В диспетчерской. Пытается убедить дежурного, чтобы не давали вылета в Красноярск грузовому борту Ан-12.

– А что, будет борт в Красноярск? – как всякий задержанный пассажир, спросил академик.

– К сожалению, будет, – проговорил мужчина. – Сейчас он еще в воздухе. Приземлится только через десять минут. А через час ему дадут вылет на Красноярск. На борту есть четыре свободных пассажирских места.

– Я вас понял! – непроизвольно оживился Насадный, но странный собеседник перебил его:

– Неправильно понял. Тебе ни в коем случае нельзя садиться на этот борт. Да, ты хочешь воспользоваться льготами Героя Соцтруда и попасть на грузовой рейс. Но этого решительно нельзя делать!

– Почему? Я делал так много раз...

– А сегодня откажешься. Потому что при посадке в Красноярске самолет не дотянет до полосы четырехсот метров, зацепится за лес и разобьется о землю. Развалится на три части, потом начнется пожар...

– Да вы сумасшедший, – выдавил академик, ощущая неприятный, болезненный озноб.

– Ты не полетишь этим бортом! – тихо и властно сказал мужчина, посмотрев на увесистую сумку академика, где находилась вся документация на установку, носящую кодовое название «Разряд». – Хотя лучше было бы отправить тебя с этим грузовиком. Меньше хлопот... Все сгорит в огне.

Взгляд его показался более чем красноречивым: не было сомнений, что он знает содержимое сумки.

На миг Насадный вновь ощутил себя замерзающим на трамвайных путях...

Не медля больше, странный этот полярник пружинисто встал и, опавнув ветром от дохи, пошел сквозь гомонящую толпу.

Память унеслась с этим ветром...

Уже через минуту у него возникли сомнения, а точнее, подозрения, ибо ничего подобного в природе существовать не могло. Блокада, близость смерти, эти странные люди – мужчина и женщина, нашедшие его замерзающим, потом эвакуация – все было так далеко и нереально, а секретные документы в сумке и судьба месторождения – вот они, в руках...

Еще через минуту он внутренне сжался, предполагая самое худшее: каким-то невероятным путем его выследили злоумышленники и теперь попытаются отнять документацию «Разряда», разработанную в строжайшей тайне. Потому и не хотят, чтобы он улетел грузовым рейсом, видимо, рассчитывают завладеть сумкой в Латанге...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.